

Вероника
ЛЕСНЕВСКАЯ

ВЕРНУТЬ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

РАЗВОДИМСЯ!
Моя на 30 дней

Вероника Лесневская Разводимся! Моя на тридцать дней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69919111

SelfPub; 2024

Аннотация

«Я беременна от твоего мужа», – прилетает входящее сообщение с неизвестного номера.– А я нет, – горько усмехаюсь. Тянусь за тестом, ни на что не надеюсь. Да и уже неважно.– Малыш, ну что там? – доносится голос мужа за дверью.– У меня минус, – шепчу, гипнотизируя взглядом проклятую одну полоску. Слабую и бледную, потому что нужное время не выдержано, но одинокую. – У тебя плюс, – хмыкаю, но он не слышит.«Твой муж сегодня поедет ко мне. Не мешай нам», – мигает еще одно сообщение.Однако... Какая наглая у нас любовница.«До утра его продержи, я хоть отдохну. И покорми сама. Мне готовить лень», – отправляю ей.Собираюсь выбросить использованный тест, но присматриваюсь внимательнее...– Да ладно?!*Я не смогла родить мужу наследника, а он, кажется, решил найти мне здоровую замену на стороне. У меня один выход – развод. Нам дали тридцать дней на примирение, после чего мы расстанемся навсегда. Если только... тест не покажет две полоски.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	22
Глава 3	32
Глава 4	43
Глава 5	51
Глава 6	58
Глава 7	70
Глава 8	79
Глава 9	88
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Вероника Лесневская

Разводимся! Моя

на тридцать дней

ОНА: Я не смогла родить мужу наследника, а он, кажется, решил найти мне здоровую замену на стороне. Теперь у меня один выход – развод. Нам дали тридцать дней на примирение, по истечении которых мы расстанемся навсегда. Если только... тест не покажет две полоски.

ОН: Я жестко проштрафился, и от меня ушла жена. Не дав возможности объясниться, она просто подала на развод. Теперь у меня есть тридцать дней, чтобы вернуть ее. И я воспользуюсь любым шансом. Даже если... ей придется забеременеть.

Пролог

Ксюша

– Причина развода? – бесстрастно уточняет юрист, смотря в документы.

Для него это обычная процедура, ведь ежедневно через его кабинет проходят десятки супругов. Бывших... Скоро мы пополним их ряды.

Переглядываемся с Матвеем, доли секунды ведем смертельную зрительную битву, мысленно убиваем друг друга с особой жестокостью, встаем из пепла ревности и недоверия – и отворачиваемся в разные стороны.

– Не сошлись характерами, – бурчу себе под нос, складывая руки на груди, а муж недовольно хмыкает.

Пока еще законный муж, но сегодня все изменится...

Исподтишка наблюдаю за ним. На лице – непроницаемая маска. Матвей всегда был со мной скуп на эмоции, а сейчас и вовсе выглядит бесчувственным роботом. Бережет их лимит для другой...

Перехватив мой изучающий взгляд, снисходительно кивает и изгибает губы в кривой ухмылке. Знает, что я лгу юристу, и не упускает случая укорить меня без слов. Интересно, чего он ждет? Хочет, чтобы я рассказала правду, почему мы разводимся? Наверняка ему плевать, но я не собираюсь выставлять себя наивной дурой перед посторонним человеком.

– Дети есть? – очередной стандартный вопрос бьет по больному.

– Нет...

Произносим одновременно.

Я чуть слышно и рвано, с потаенной тоской и отравляющей кровь горечью. Мэт – шумно и протяжно... кажется, с облегчением. Неудивительно. Я так и не смогла родить. А теперь ему больше не нужен ребенок... от меня.

– Отлично, – небрежно бросает юрист, а мне хочется вцепиться руками в затянутое галстуком горло, расцарапать кожу и придушить его. Какой же говнюк!

– Константин Юрьевич, – предупреждающе цедит Матвей. Его руки сжимаются в кулаки, ноздри раздуваются, как у огнедышащего дракона.

Когда-то эта тема была травмирующей и тяжелой для нас обоих, но все уже в прошлом. Пустое место в его жизни в ближайшем будущем заполнится. У Мэта все хорошо, а это просто фантомные боли. Я для него та самая ампутированная нога, которая продолжает ныть и чесаться. Пройдет со временем. Другая сыграет роль протеза.

– Кхм... – Константин опускает голову, пролистывая наше дело. – Я имею ввиду, что имущество делить легче, чем детей, – бубнит негромко.

Матвей многозначительно покашливает, обращая на себя внимание, но осекается, покосившись на меня. Нервно сглатывает, так и не обронив ни слова.

– Нечего делить, – пожимаю плечами. – Нет там ничего моего. И дом, и ресторан принадлежат Матвею.

Украдкой посмотрев на волевой профиль мужа, сбивчиво вздыхаю. Даже он сам не мой. Больше нет.

Я слышала, что первый кризис наступает через три года брака, а именно столько мы расписаны официально, хоть знакомы гораздо дольше. Статистика – упрямая вещь – прибила нас ровно в срок. В наших отношениях полный крах – их жалкие лохмотья летят в ад.

– Все, что было куплено, открыто, взято в кредит, в общем, нажито в браке, делится строго пополам, – чеканит слугитель Фемиды.

– Да не надо мне от него ничего, – не выдержав, повышаю голос и перехожу на возмущенный писк, который так ненавидит Мэт. Вот и сейчас он морщится. Ничего, дорогой, мне тоже не терпится избавиться от тебя... предателя.

– Ксюша, тебе ведь даже жить негде, – пренебрежительно напоминает Матвей.

Грубо и беспардонно намекает на мое материальное положение. Однако забывает, что когда мы познакомились – он был простым, небогатым парнем, работал шеф-поваром. Поднимался с нуля, имея за спиной лишь гору кредитов и идею, которой горел. Я любила его, несмотря ни на что, была рядом и поддерживала, как могла, за что в итоге поплатилась. Чем шире и успешнее становился его ресторанный бизнес, тем стремительнее мы отдалялась. Штамп в паспор-

те не спас ситуацию. Наоборот, усугубил.

Спустя годы Мэту, конечно, уже не нужна девчонка из провинции. Надоела и не по статусу. Большой босс, владелец сети ресторанов, он может выбрать любую девушку, на свой вкус и бюджет. Хоть каждый день их менять, как трупы-недельки. Что и делает, султан в поварском колпаке и фартуке шефа.

Благо, я вовремя прозрела, точнее, мне помогли раскрыть глаза на него – и отныне наши пути расходятся. Навсегда. Собственно, Мэт даже не против. Согласился на развод, не отпираясь и ни минуты не сомневаясь. Более того, сразу же нашел юриста, чтобы ускорить процесс.

Обидно до слез, но стараюсь ничем не выдать своих истинных чувств. Не дождется, гад!

– Неважно. Вы можете скорее развести нас? – вспыхнув, как газовая горелка от поднесенной спички, я подаюсь вперед, облокотившись о край стола.

– Конечно, – Константин выдерживает мучительную паузу. Чем дольше она длится, тем сильнее я чувствую подвох. – Но расстанетесь вы не раньше, чем через тридцать дней, – припечатывает меня к стулу.

– Сколько? – сипло переспрашиваю, потому что воздуха не хватает от шока. – Почему?

– По закону, – отвечает каламбуром.

– Константин Юрьевич! – рявкаем на него одновременно с Мэтом.

Схлестнувшись взглядами, испепеляем друг друга, а потом, неожиданно объединив усилия, направляем столп пламени в наглого, языкатого юриста.

– Так как вы разводитесь по обоюдному согласию и не имеете имущественных споров, ЗАГС даст вам месяц на примирение, – сообщает с хитрой улыбкой.

– Это целая вечность! Я против! – фырчу и подсакиваю на ноги, игнорируя хриплый кашель Мэта. – Я подам в суд.

– Без проблем, – подозрительно быстро соглашается Константин. – Суд может назначить до трех месяцев.

Медленно возвращаюсь на место. Пытаюсь смириться с приговором. Убедить себя, что месяц пролетит незаметно. Мэт и раньше пропадал в ресторане до поздней ночи, так что мы и пересекаться не будем. Я вообще могу съехать от него, снять квартиру. Пожалуй, так и поступлю.

– Хорошо, готовьте документы, – обреченно выдыхаю, подпирая подбородок рукой. – Разведемся через месяц. Да, Мэт?

Хочу услышать от него хоть что-то, но он будто обратился в каменную глыбу. Молчит, не двигается и даже не дышит.

– Но есть обязательные условия... На протяжении всего срока вы должны жить под одной крышей, ночевать дома, посещать семейного психолога и выполнять его рекомендации, – невозмутимо перечисляет юрист, пока мои глаза становятся все шире.

– Ерунда какая-то, – хватаю губами воздух. – Может, и в

постель нашу залезете?

– Проверка может нагрянуть в любой момент без предупреждения, – добивает меня.

– Впервые слышу об этом, – недоуменно качаю головой и обращаю на почти бывшего мужа растерянный взгляд: – Мэт? Скажи что-нибудь!

– Закон есть закон, – разводит он руками вместо того, чтобы поддержать меня. – Придется соблюдать условия.

– Вы уверены? – цепляюсь за соломинку, как утопающий. Но меня погружают под воду с головой.

– Кто из нас дипломированный юрист с многолетним опытом работы? Правильно, я, – нахально тянет Константин, вальяжно развалившись на стуле. – Так что выполняйте все предписания – и возвращайтесь через тридцать дней. Если не передумаете.

– Не передумаем, – зло зыркнув на мужа, вылетаю из кабинета.

Мэт догоняет меня на улице, хватая за локоть и настойчиво ведет на парковку. Я не пытаюсь сопротивляться – бороться с таким шкафом бессмысленно.

– Куда собралась? – наклоняется над самым ухом. Обдает жарким дыханием, вызывая погрешенные под обидами мурашки. Отгоняю их, мысленно опять хороню, копая яму как можно глубже. Нельзя так реагировать на без пяти минут бывшего мужа. Точнее, без тридцати дней... Черт, все-таки это невыносимо долго!

– К подружке, – заявляю твердо.

Не понимаю, почему продолжаю провоцировать его? Почему с удовлетворением слежу, как он чернеет от гнева?

– Слышала, что Костя... – закашливается. – Что Константин Юрьевич сказал? Никаких «подружек», – выплевывает ядовито. – Домой! Мне не нужны лишние проблемы.

– Наберешь меня в случае проверки. Соврешь им что-нибудь, тебе не привыкать, – язвлю, вынуждая его стиснуть губы и скрипнуть зубами.

– Ты едешь со мной, – распахивает дверь мерса.

– Прекрати командовать, я не твоя жена, – наступаю ему на ногу каблуком. Мэт кривится, но не отпускает меня.

– Моя... – нагло заталкивает меня в машину, – на тридцать дней.

Глава 1

Три дня назад

Матвей

– От тебя духами пахнет? – вкрадчивый голосок, наполненный сомнениями, заставляет меня улыбнуться.

Ксюша выглядывает в коридор, как только я открываю дверь и переступаю порог. Встречает меня, морщит аккуратный, вздернутый носик, который я тут же целую.

– Бешамель номер пять, – смеюсь, бросая на тумбу влажный после дождя пиджак. Притягиваю к себе вредную жену, зарываюсь носом в ее волосы. – Мне опять пришлось полдня на кухне возиться с этими бездарями. Так что у меня эксклюзивная туалетная вода с нотками говядины Веллингтон, сгоревшей к хренам, и крема Муслин из свернувшегося, мать его, молока.

– Как я понимаю, собеседование на должность шеф-повара сегодня никто не прошел, и эту роль опять исполнял ты сам, – расслабившись в моих руках, приглушенно хихикает Ксюша, а потом запрокидывает голову и чмокает меня в подбородок. – Мне иногда кажется, что ты не владелец ресторана, а кухонный рабочий.

– Издержки бизнеса. Я не могу пустить все на самотек, – наклоняюсь, чтобы поймать ее пухлые губы и накрыть поцелуем.

– М-м-м, – сладко постанывает на выдохе, ведет ладошками по торсу, обвивает талию, плотно прижимаясь ко мне. Откликается молниеносно, отвечает с пылом и безудержной страстью.

У нас с ней один способ примирения в любой ситуации, но сегодня придется обойтись без него...

Остро реагирую на каждый ее вздох и каждое прикосновение. Как голодающий, перед носом которого поставили блюдо с ароматной курочкой только из духовки. Готов сожрать Ксюшу на месте, не отходя от двери. Именно поэтому заставляю себя оборвать опасный поцелуй. Сдерживаюсь из последних сил, которые уже на исходе. Третий день...

Жена стреляет в меня затуманенным взглядом, закусывает губу, хмурится. Молча обнимаю ее и покачиваю в руках, успокаиваясь.

– Если честно, я задолбался шефа искать, – выдыхаю после паузы ей в макушку. – Повара со звездами Мишлен не согласятся на мою зарплату, а новички так и норовят спалить кухню к чертям. Мне бы найти золотую середину. Подающего надежды специалиста, которого я дальше бы научил всему, что сам умею... – пока я говорю, Ксюша машинально кивает, а сама утыкается носом в мое плечо. – Хватит меня обнюхивать, – бережно отстраняю жену от себя и прохожу вглубь квартиры. – Кстати, я ведь переоделся перед выходом. У меня уже запасные рубашки в кабинете закончились.

– Иди-ка ты в душ, а одежду в корзину кидай, – командует

она, уперев руки в бока.

– Поможешь? – демонстративно дергаю ворот рубашки, расстегивая верхние пуговицы.

Мазохист обыкновенный, иначе не нарывался бы на ее гнев. Но я бросаю вызов фурии, мучаю себя, будоражу наши эмоции.

– Иначе меня тоже уволишь, как своего шеф-повара, и пойдешь искать замену? – спрашивает в шутку, но таким морозным тоном, что мне ни капли не смешно.

Шах и мат. Кто кого переиграл?

– Предыдущий шеф сам ушел, потому что решил вернуться в родной город. А ты прекрасно знаешь, что никуда от меня не денешься, – произношу с холодком. – Ты, кстати, почему не в спортцентре? Мы так редко с тобой на обеде пересекаемся. Непривычно видеть тебя дома.

Ксюша – детский фитнес-тренер в «Царь-спорте». Я был категорически против, чтобы она в принципе работала, но после того, как в меня запустили пару тарелок и назвали тираном и абьюзером, пришлось согласиться. Правда, место искал я ей лично – и устроил в клуб моего друга Царева, чтобы под каким-никаким присмотром была. Попросил его держать мою жену подальше от мужиков. Не то чтобы я ей не доверяю... но рисковать и провоцировать не хочу.

Разумеется, Ксюша не в курсе. Уверена, что всего добилась сама, и счастлива работать с малышкой. Видимо, находит в чужих детях своеобразную отдушину, потому что сво-

их у нас нет.

– Занятие с младшей группой отменила – там несколько деток с вирусом слегли. Вынужденный карантин, – все-таки поднимает руки ко мне, борется с пуговицами, царапая ноготками грудь. – А старшие у меня вечером, после школы. Так что я освободилась на несколько часов и решила с тобой встретиться. Ты же обмолвился, что заедешь на обеде, – зыркает на меня исподлобья. Выпускает огненные стрелы. – Не рад?

– Странный вопрос, – выгибаю бровь, изучая ее напряженное личико.

Понурился, продолжает раздевать меня, не обронив больше ни слова. Ведет себя подозрительно, чем дико меня раздражает. Не свожу с нее глаз, а она гипнотизирует мою шею.

– Что это? – кивает на воротник и, подцепив его край пальчиками, оттягивает в сторону. – На помаду похоже.

Покосившись к плечу, с трудом идентифицирую слабый розовый след на светло-голубой ткани.

– Хрен знает, последнюю чистую из шкафа достал, – снимаю рубашку, размазываю пятно пальцем, но стереть не могу. Плюнув на это бесполезное дело, обращаю внимание на задумчивую Ксюшу. – Валькирия, я что-то не понял, ты меня ревнуешь? – усмехаюсь.

– Думаю, чем отстирывать, – натянуто улыбается в ответ, выхватывает испачканную вещь и небрежно сминает.

Толкнув дверь в ванную комнату, запускает туда комок ткани, а потом любезно приглашает меня. С такой ехидной ухмылкой, будто мысленно пинками заталкивает мою тушу следом. Если бы смогла, воплотила бы фантазии в реальность.

– Ксю, ты чего? – укоризненно качаю головой.

Короткий сигнал ее телефона заставляет нас обоих повернуться к тумбе. Успеваю заметить входящее сообщение – и жена тут же забирает гаджет. Мажет пальцем по дисплею.

– Кто там? – моя очередь принять боевую стойку и навести все органы чувств.

– Спам, – глухо бубнит и тут же удаляет СМС.

Знаю, что врет. Ее ложь я по запаху чую.

Сталкиваемся вспыхнувшими взглядами, объявляем друг другу невидимую войну. Из любящих супругов мы по щелчку пальцев превращаемся в дуэлянтов. Вместо однозарядного пистолета у каждого – автомат с полным магазином патронов. Нам не хватает секундентов, впрочем, мы бы и их расстреляли.

Так ничего и не сказав друг другу, отворачиваемся.

Я ухожу в ванную, а она – на кухню. И только это спасает дом от ядерного взрыва.

Что ж... Наш обычный день.

* * *

Стоит мне выйти из душа и сделать глубокий вдох, как в ноздри проникает запах еды. Среди какофонии ароматов

рецепторы различают фарш, если не ошибаюсь, свиной, расплавленный пармезан и спагетти. Все свежее, горячее, пышет жаром. И даже ничего не пригорело, что для Ксюши уже победа. Готовит жена неважно, а может, я в силу профессии слишком придирчивый, но тем не менее... мне дико нравится, когда она старается для меня. Есть в этом что-то интимное. Как и в совместных обедах. Такие, казалось бы, привычные моменты очень сближают.

Убежден, что в каждое блюдо кулинар вкладывает частичку сердца. Еда впитывает энергетику и передает ее тому, кто пробует. Равнодушие или тепло, ярость или добро, ненависть или любовь. Именно поэтому я стараюсь не есть из чужих рук. Однако от Ксюши готов принять даже чашу яда.

– Что на обед, Ксю? – зову ее ласково, прощупывая почву, однако не приближаюсь.

Опершись на косяк двери, с улыбкой наблюдаю, как она суетится возле плиты. Ласкаю взглядом подтянутую фигурку жены, задерживаюсь на попке, облаченной тугие спортивные штаны. Ничего не прикрывают, наоборот, подчеркивают формы, как вторая кожа. Надеюсь, Ксюша не в этом в спорт-центре щеголяет?

Стараюсь не обращать внимание на сам процесс приготовления пищи. Однако сложно не заметить, как жена забавно натирает сыр, случайно роняет целый кусочек, испуганно заглядывает в тарелку и лихорадочным движением убирает «беглеца». Аппетитно облизывает пальчики. Своего повара

за такое бы на хрен уволил с худшими рекомендациями, никому бы не простил – и побрезговал бы попробовать приготовленное блюдо. Но Ксюша... это Ксюша. Родная.

– Спагетти по-флотски, – бросает, не оборачиваясь. – Предупреждая твою профессиональную критику, скажу, что других макарон я у нас не нашла.

Осторожно несет тарелку, наполненную с горой. Щедрая жена. Макаронный Эверест покосился под тяжестью собственного веса.

– Я промолчу, – усмехаюсь, устраиваясь во главе стола. – Будем считать это авторским рецептом.

– Именно так! – берет вторую порцию для себя, гораздо скромнее, и садится рядом, по левую руку от меня. Со стороны сердца. Еще один объединяющий момент, которым мы в силу занятости часто пренебрегаем. Есть вместе – это как спать в одной постели. – Да и вообще, какая разница. Макароны – они и в Африке макароны.

Тон игривый, значит, конфликт исчерпан, а она больше не злится. Впрочем, ее выдержки никогда надолго не хватает. Однажды после очередной ссоры она гордо объявила мне «молчаливый бойкот», который длился... ровно три часа, и то потому что я был на работе. Потом я вернулся – и выслушал о себе много нового. Закончилось все традиционно – жарким сексом.

Не вовремя вспоминаю об этом и заставляю себя уткнуться в еду. Задумчиво кручу вилку в руке. Остываю.

– Приятного, – тихонько мурлычет Ксюша и чмокает меня в щеку.

Мгновенно отстраняется, прячет глаза, будто смутилась, и втыкает вилку в спагетти, накручивая их.

Пробую свои, машинально тянусь к солонке, захватив и перечницу. Щедро посыпаю блюдо, вскидываю голову к кухонному шкафу, прикидывая, какие приправы есть у нас дома. Однако спотыкаюсь о внимательный и чуть расстроенный взгляд Ксюши. Как преступник, пойманный на горячем, отодвигаю от себя специи и поднимаю ладони в знак капитуляции.

– Да ладно, продолжай, – шумно вздыхает жена, подперев подбородок одной рукой, а второй – дальше мучает спагетти. – Тем более все, к чему ты притрагиваешься, становится вкуснее. Доделай и мне, если не сложно, – смягчается.

Она похожа на вулкан: то засыпает, чаруя красотой и привлекая отчаянных туристов, то ни с того ни с сего извергается лавой, сжигая и разрушая все на своем пути. С ней сложно, беспокойно, но интересно. Я более холодный и умиротворенный. Мы с ней настолько разные, что просто обязаны быть вместе. Плюс и минус под силой притяжения.

– С удовольствием, – забираю наши тарелки.

Отхожу к кухонной столешнице, потрошу шкафы в поисках соусов и трав. Отдаленно слышу звук виброзвонка.

– Мэт, твой телефон, – предупреждает Ксюша, не поднимая трубку. У нас нет привычки лезть друг другу в контак-

ты и переписки, тем более, у меня они рабочие. За редким исключением...

– Кто звонит? – бегло смотрю на время. Выдыхаю: рано.

– Не знаю, неизвестный номер, – жена встает, чтобы принести мне телефон.

Узнаю номер по последним цифрам, размышляю, отвечать ли при Ксюше или перезвонить потом. Но она сама, будто ненароком, скользит пальчиком по иконке – и снимает входящий.

– Да, – прижимаю трубку к уху, отхожу к окну, увеличивая расстояние между мной и женой. Благо, она возвращается за стол. – Мы договаривались на четыре.

– Поэтому и звоню. У меня окно через час, а потом уеду, срочно вызвали, – в динамике звучит женский голос, который в тишине кухни наверняка слышит и Ксюша. Надеюсь, с ее места слов не разобрать, но лучше перестраховаться.

– Я буду через час, – чеканю и быстро отключаюсь.

Поворачиваюсь к жене, изучаю ее хмурое личико. Молчу.

– Из ресторана? – неосознанно помогает мне наводящими вопросами. – Пора ехать?

– Пора, – отвечаю только на второй, чтобы не лгать в открытую. – Подвезти тебя в спортклуб?

– Успеешь? Тебя же ждут, – косится на телефон. На секунду мне кажется, что она пытается поджечь и взорвать его взглядом.

– Подождут, – убираю гаджет. – Найдешь мне свежую ру-

башку? – киваю на свой голый торс. – И для себя подбери что-нибудь другое. Ты же не поедешь так? – все-таки не выдерживаю и озвучиваю претензию.

– Тебя забыла спросить, абыюзер, – фыркает, но бежит в комнату. Зря я сделал ей замечание – она и так бы переоделась. – Знаешь, самые злостные ревнивцы получаются из тех, у кого рыльце в пушку, – выкрикивает из-за двери.

– Хочешь сказать, что мне стоит задуматься по поводу тебя и твоих замечаний? – возвращаю ей злую шутку. Или она серьезно меня в чем-то подозревает?

Ксюша мгновенно материализуется на пороге, бросает в меня рубашку. Горит вся, пылает. Особенно красивая в такие моменты, но опасная. Становится безбашенной, когда злится.

– Тебе стоит пойти на... – проглатывает ругательство. – На работу, – клюет меня в щеку. – Дай ключи, в машине по дождю.

Поднимаю глаза к небу, но вижу лишь белоснежный потолок. Вот и пообедали. А экстренно «помириться» нет ни времени, ни возможности.

Глава 2

Вечер того же дня

Ксюша

– Жду всех в следующий вторник в это же время, – щебечу с улыбкой, прощаясь со своими маленькими клиентами.

Румяные, взъерошенные, запыхавшиеся после тренировки, они любому взрослому дадут фору по выносливости. Шустро переодеваются и на удивление бодро выскакивают из зала. Смеются, посылают мне воздушные поцелуи, которые я «ловлю» ладонью. Крепко сжимаю кулак.

Сколько же в детях энергии и света! Они как батарейки, что никогда не разряжаются. Вечный двигатель, которого нам не хватает с Мэтом. Наверное, поэтому между нами все потухает. С каждым днем некогда яркий, обжигающий костер тускнеет, пока не превратится в тлеющие угольки.

Хотя, может, дело совсем не в ребенке, а я просто ищу оправдание...

Любовь живет три года, мужчины полигамны от природы, а мне... надо меньше читать всякую ерунду в интернете. Я всего лишь искала способы заново зажечь наши отношения, но случайно забрела на странички психологов-шарлатанов. Как назло, там все проблемы до жути мне знакомые – и приговор неутешительный. Это как ставить себе диагноз по симптомам: интернет выдаст широкий диапазон вариантов,

а сведет их все к раку. И вот ты уже сидишь и составляешь завещание.

Однако я решила не хандрить раньше времени, а взять ситуацию в свои руки. Сегодня нас с мужем ждет романтический вечер, который перетечет в откровенный разговор. Обсудим, что происходит между нами. Как взрослые, самостоятельные люди! Если не успеем до этого поссориться...

Провожая взглядом моих шестилеток, проглатываю судорожный вздох и стараюсь не думать о плохом.

– Маруська, а ты чего тут? – замечаю девочку на скамейке в раздевалке. Сидит, понуриив голову, ковыряет носком кроссовки пол.

– Папу жду, опять опаздывает, – жалуется и надувает губки.

Пытаюсь вспомнить, приезжала ли за ней когда-нибудь мама... и не могу. Зато образ ее отца четко стоит перед глазами. Хронически занятой бизнесмен, весь в делах, каменный и равнодушный. Чем-то напоминает мне Мэта.

Нынешнего Мэта.

Когда-то мой муж был совсем другим, внимательным, любящим и открытым, а в какой-то момент все изменилось... Впрочем, я лукавлю, ведь четко знаю, в какой именно: когда бизнес Матвея резко пошел вверх. У нас появились деньги, но исчезли чувства. Ресторан заменил мужу дом, команда – семью... А кто теперь вместо жены?

– Не переживай, подождем вместе, – мысленно забив мо-

лотком поднявшуюся из недр души депрессию, я подмигиваю малышке.

Собираю рюкзак, чтобы быть наготове, беспокойно поглядываю на часы. Стрелки неумолимо продолжают свой бег, отсчитывая минуты, а телефон требовательно вибрирует.

– Малыш... – звучит ласково и тепло, почти как раньше. – Я на парковке. Ты скоро?

Улыбнувшись, аккуратно выглядываю в окно. Перебираю пальчиками полоски жалюзи, осматриваю территорию спортцентра, цепляюсь взглядом за черный люксовый автомобиль. Он один такой, лучший, потому что в салоне... мой муж.

– Я чуточку задерживаюсь, Мэт, – растаяв под воздействием его бархатного голоса, произношу нежно и игриво. С легким налетом вины.

– Хм, ладно, – по тону слышу, что он напрягается. Вижу, как выходит из машины, опирается бедрами на капот. Первая стадия нетерпеливости. На второй – Мэт войдет в центр. – Ну, я жду, Ксюш. Появились некоторые планы на вечер, надо еще заехать кое-куда... – небрежно сообщает и сбивает мой романтический настрой.

Резким движением закрываю жалюзи, хлопаю ладошкой по подоконнику и отворачиваюсь.

Планы у него. Опять! Наверное, как всегда, допоздна. А мне одолжение делает, в перерыве быстренько подбросив домой, и заодно следит, чтобы ни с кем другим не уехала.

– Так вызови мне такси. С водителем-женщиной, – намекаю на его патологическую и беспочвенную ревность. Хотя... с недавних пор я ему плачу той же монетой.

Отстраняю трубку от уха, провожу пальцем по дисплею и с опасением проверяю, нет ли входящих сообщений с неизвестного номера. Я пока не решила, как на них реагировать. Мэту не показываю, чтобы не посчитал меня ревнивой душой, не отвечаю, не сохраняю. Прочитав, сразу удаляю. В идеале, лучше бы вообще не открывать короткие СМС, но любопытство меня погубит.

– Тетя Ксюша, уходишь? – испуганный детский голосок рвет душу.

– Марусь, идем потихоньку вниз? Я пока зал закрою, – беру послушную девочку за руку. – А на улице я подожду такси, – говорю громче, уже для Матвея.

– Я уже здесь, – цедит он. – Так что никакого такси.

– Тогда не торопи меня...

– О, папа! – звонко вскрикивает малышка и, высвободив ладошку, мчится по коридору.

От неожиданности роняю ключи, следом на пол летит телефон вместе с отдаляющимся ворчанием мужа. Сгребая все в охапку, проверяю дверь – и спешу за Марусей.

– Оксана, добрый вечер, – прорывается в сознание мужской голос. Чужой.

Упираюсь взглядом в лацканы пиджака, скольжу по идеально выглаженной рубашке, поднимаю голову, чтобы по-

смотреть отцу Маруси в лицо. Молча киваю в знак приветствия.

– Кто там? – настороженно доносится из динамика. Отключаю телефон, пока Мэт не начал злиться и ругать меня, небрежно бросаю в рюкзак. Дергаю молнию. Заедает, раздражая меня еще сильнее.

– Добрый, Олег Геннадьевич, вы почти на час позже приехали, – отчитываю мужчину.

– Виноват, – он протягивает ко мне руку. Машинально отшатываюсь, но Олег всего лишь перехватывает мой рюкзак, помогает закрыть. Невозмутимо возвращает, сохраняя между нами приличную дистанцию.

– Спасибо, – пробубнив, закидываю обе лямки на плечо.

За годы с Мэтом я превратилась в дикарку. Его ненормальная подозрительность передалась и мне. Я стала шараться от мужчин, как от прокаженных, будто каждый так и норовит затащить меня в постель. Кому я нужна? По статистике, в стране каждая десятая женщина одинокая. Выбирай на любой вкус. Зачем заморачиваться с замужней?

– Постарайтесь больше не опаздывать, – успокоившись, вежливо прошу.

Олег не сделал ничего предосудительного. Поблагодарил меня, молнию починил, а сейчас идет рядом, бережно держа дочь за ручку, пока мы спускаемся в холл.

Невольно покосившись на них, неуволимо улыбаюсь. Очень приятная семья, хоть и без мамы. Уверена, Олег ста-

рается за двоих.

Шумно вздыхаю, в очередной раз примеряя ситуацию на себя. Мне кажется, Матвею бы тоже подошла роль папочки. Он стал бы самым трепетным, заботливым и любящим отцом. Если бы я смогла забеременеть...

– Давайте я вас подвезу в качестве извинения и компенсации ущерба? – предлагает Олег, галантно распахивая передо мной дверь на улицу. Вслед за безобидной фразой в спину врезается еще одна: – Можем заехать куда-нибудь по пути, поужинать. Маруська, хочешь есть?

Стоп! Код «Красный». Нельзя дальше.

– Да, пап! – отзывается малышка.

Запрещенный прием – подкатывать к девушке при помощи ребенка. Беспроигрышный, но неправильный. Особенно, когда меня на парковке муж ждет. Законный и безумно ревнивый.

– Я не ем, – бросаю первое, что приходит в голову.

Ступаю на крыльцо, вздрагиваю от порыва ветра, кутаясь в спортивную куртку. Тело пробивает мелкой дрожью, но не от холода, а от недовольного, горящего взгляда, пронзающего вечерние сумерки и испепеляющего меня.

Мощная фигура стремительно пересекает площадку, угрожающе приближается к нам. Походка властная, нервозная, движения рваные. В одной руке позвякивают ключи от машины, брелок крутится на пальце. Вторая сжата в кулак.

Мэт на последней стадии под кодовым названием «Хана

всем мужикам в радиусе метра».

– Совсем? – Олег явно заигрывает. – Ясно, откуда у вас такая шикарная фигура. Чем же вы питаетесь?

«Тушенкой из чересчур надоедливых мужчин, к которым меня приревновал супруг», – проглатываю неуместную шутку, которую Олег все равно не поймет.

Устанавливаю зрительный контакт с Мэтом, но он грубо разрывает его. Прищуренный взгляд стреляет мне за спину, где суетится будущий цыпленок табака.

– Солнечной энергией, – выдыхаю, предвкушая сцену ревности. – До вторника, Олег Геннадьевич. Я спешу к мужу, – чеканю четко и громко. Прощаюсь, ускоряя шаг и оставляя опешившего мужчину позади.

Останавливаюсь напротив мужа, заслоняя ему обзор, нахально щелкаю пальчиками перед его носом, заставляя обратить внимание на меня.

– Кто это? – холодно чмокает меня в щеку, не сводя глаз с машины Олега. Благо, тот все понял правильно, бросил попытки соблазнения и прямо сейчас устраивает дочь в автокресле.

– Отец одной из девочек, которые ходят ко мне на фитнес, – отвечаю спокойно, потому что скрывать мне нечего.

Мэт берет меня за руку, поглаживая пальчики, сплетает их со своими, а потом вдруг подносит ладонь к лицу.

– М... – замирает, сосредоточившись на безымянном пальце. Пустом. – Почему ты без кольца?

– Забыла, – пожимаю плечами. Я действительно сняла его на обеде, перед тем как приготовить чертовы спагетти. А потом мы с Мэтом ругались, торопились... Было совсем не до кольца. – А твое где? – выгибаю бровь, заметив, что он тоже сегодня «холостой».

– Я же на кухне весь день, поэтому не надевал. Боюсь потерять, – прячет руку в карман.

– М... – отзеркалив его тон, сажусь в машину. Поворачиваю голову к водительскому креслу, в которое падает Мэт. Наблюдаю, как он до скрипа сжимает руль.

– Как день прошел? – безэмоционально уточняет. Кидает банальный вопрос, как собаке кость. Видимо, я должна обрадоваться его вниманию и завилать хвостиком. Но у меня возникает обратная реакция.

В салоне становится жарко, потому что я горю от гнева и обиды.

– Вряд ли тебя интересует, какие упражнения мы делали с детками, – язвлю, разгоняясь вместе с заведенным двигателем. – Если хотел про мужиков спросить, то это единственный отец, с которым я сегодня пересеклась. Остальных детей мамы забирали.

– Ксюша, я просто спросил, как дела, – рычит Мэт, раздувая крылья носа. Стиснув зубы до скрипа, смотрит вперед, на трассу.

– Ты сказал, что занят вечером, – резко переключаю тему, пятой точкой предчувствуя, что сделаю хуже. Прежде всего,

себе. – Что случилось?

Дома шампанское мерзнет в холодильнике, фрукты обветриваются и темнеют, эфирные масла для ванной грустят в шкафчике. Миссия по спасению семьи откладывается на неопределенный срок.

– Мать приехала, – шелестит еле слышно.

Контрольный выстрел в голову. Из винтовки с глушителем. Конец подкрался незаметно.

– Ты не предупреждал, что Нина Евгеньевна собирается к нам, – говорю как можно уважительнее, выверяя каждое слово. На Матвея стараюсь не смотреть, иначе он по взгляду прочтет, что я на самом деле испытываю. – В последний раз она была у нас... давно, – не уточняю дату, потупив взгляд. Не хочу вспоминать нашу встречу, когда мне намеками указали на выход, и рассказывать об этом Матвею.

Мать – это святое. Родителей не выбирают.

Я все понимаю, но это не мешает мне покрываться липкими мурашками и мысленно перечислять все свои грехи, даже несуществующие, при одном лишь имени свекрови. Она меня ненавидит. В лучших традициях народных анекдотов. Я сама в курсе, что жена из меня получается неидеальная, хозяйка – ленивая, а мать... вообще никакая, ведь родить не могу. Я признаю все свои минусы, но рядом с Ниной Евгеньевной они умножаются на бесконечность. Проще застрелиться, чем угодить ей, да и то... скажет, что я даже не умею правильно кончать с собой – и оружие перед самоубийством

плохо почистила.

– У нее обследование в клинике, так что она побудет некоторое время в городе, – ни на миг не отвлекаясь от дороги, Мэт произносит медленно, будто тоже обдумывает фразу заранее.

– Некоторое? – сиплю чуть слышно.

– Месяц, – так же тихо. – Может, чуть больше.

Чувствую себя, как астматик в период острого приступа. Тем временем мой «ингалятор» хмуро смотрит перед собой и сжимает ладони на руле.

Глава 3

Признаться, я совершенно отвыкла от свекрови. После смерти мужа, которого все-таки победила болезнь, она вернулась в свой родной регион. Сначала жила у сестры, а потом Матвей купил ей дачу в живописном районе. Мы посещали ее по праздникам, задерживаясь максимум на день, но чаще муж ездил сам. Разумеется, перечислял ей деньги, и я даже не вмешивалась в суммы и частоту переводов.

Меня более чем устраивало такое положение вещей, ведь на расстоянии свекровь меня не трогала. Относилась так, словно меня не существует, а Мэт до сих пор холостой.

Сейчас же... нам предстоит провести вместе больше месяца. Даже представить страшно, во что выльется наше общение.

Беру паузу, чтобы отдышаться.

– Что-то серьезное? – голос все-таки подрагивает, и прищуренный взгляд мужа летит в меня. Мажет по лицу, на доли секунды останавливается на искусанных губах, которые я лихорадочно облизываю на нервах, – и возвращается, уставившись в лобовое стекло.

– Вроде бы, нет. Полное обследование. Ты же знаешь, что у нее были серьезные проблемы со здоровьем, так что теперь она стала внимательнее к себе, – ровным тоном объясняет Мэт и плавно входит в поворот.

Когда мы познакомились, родители Матвея тяжело болели. Собственно, из-за этого мы долгое время не сходились. Даже отношениями сложно было назвать то, что у нас было. Он отчаянно искал деньги на лечение, работал круглые сутки, пытался развивать свой бизнес, а я училась в институте физкультуры и вела тренировки в местных спортклубах. С Мэтом мы просто общались, и я даже не заметила, как дружба переросла в любовь. Просто однажды я проснулась и поняла, что не могу без него. Вот только он не спешил делать мне предложение. Позвал замуж только после того, как открыл собственный ресторан.

– Да, конечно, все правильно, – изображаю покорность, отчего муж по-доброму усмехается. Чувствует меня, ловит настроение, так что лгать бессмысленно. – Меня несколько озадачил срок.

– Мама заодно бабушкину квартиру немного в порядок приведет. Она хочет сдавать ее, раз уж все равно там никто не живет, – добавляет спокойно. – Кстати, остановиться она решила в квартире, а не у нас, так что можешь не беспокоиться.

По салону разлетается мой облегченный вздох, который я не успеваю скрыть, а следом доносится хриплый, расслабленный смех Матвея.

– Валькирия, хватит дрожать, как загнанный зайчик, – оторвав руку от коробки передач, он наощупь находит мою ладонь, сжимает крепко и подносит к губам. – Если за столь-

ко лет мама тебя не съела, то бояться точно нечего, – целует, проводит моими пальцами по своей грубой щеке, задерживает на секунду и отпускает.

– Все-таки мог бы сказать заранее, – сложив руки на коленях, как примерная школьница, принимаю серьезный вид, хотя сама уже растаяла. Мне многого не надо рядом с ним – пару крох внимания хватает, чтобы я заулыбалась.

– Я знаю, как ты к ней относишься, поэтому решил не беспокоить тебя раньше времени. К тому же, она все время сдавала билеты и меняла дату, – продолжает невозмутимо, вновь поджигая меня, когда мой гнев почти погас.

– Я отношусь? – округляю глаза, но Мэт укоризненно цокает, вынуждая меня замолчать. Вздохнув, перевожу тему: – Ты пригласил ее к нам на ужин?

– Нет, предложил встретиться в моем ресторане.

Не знаю, радоваться мне или ждать подвоха от свекрови. Вряд ли она оставит это просто так – найдет способ унижить меня в глазах сына.

– И как она отреагировала?

– Нормально. Мама давно не выходила в свет, а тут как раз есть повод, – останавливается на светофоре и поворачивается ко мне, пока горит красный.

Подавшись ближе, он укладывает руку на подголовник, перебирает пальцами мои волосы, убранные в высокий хвост, невесомо проходится по затылку и шее. Наклонившись, целует в висок. Покрываюсь мурашками, прикрываю

веки от удовольствия и невольно царапаю ногтями спортивные лосины. Машинально оттягиваю тугую ткань – и она шлепает по бедру. Охнув, вспоминаю о своем внешнем виде.

– Когда мы должны быть там? Я же успею переодеться? – поворачиваю голову, и наши лица оказываются напротив. В сантиметре от поцелуя. Импульсивно распахиваю губы, но... ничего не происходит.

– Кхм... – покосившись на светофор, Матвей убирает от меня руку и трогается с места на зеленый. – Ты можешь остаться дома, – бросает, не решаясь на зрительный контакт.

– То есть... – выпрямляюсь и врезаюсь злым взглядом в его напряженный профиль. – Я не приглашена на ваши семейные посиделки?

– Разве я сказал что-либо подобное? – произносит сдержанным, ровным, прохладным тоном. – О семейных посиделках не было и речи. Однако совсем проигнорировать приезд матери я не могу. И в то же время понимаю, что для тебя эта встреча может быть неприятной. Я не хочу тащить тебя на ужин насильно. Наверное, ты рассчитывала, что мы проведем вечер вместе, – не спрашивает, а констатирует факт, словно знает меня как облупленную. – Обещаю, я долго не задержусь.

Муж, будто по волшебству какой-то невидимой злой ведьмы, превращается в камень. Ненавижу, когда он ведет себя так! В разгар ссоры окатывает меня хладнокровным равнодушием, будто поливает из огнетушителя – и напоследок

бьет меня им по голове. Мэт считает эту тактику самой правильной и использует каждый раз, чтобы не разжигать конфликт, а меня она раздражает до скрежета зубов и пожара в груди. Ведь со стороны выглядит так, что мужу плевать.

Развалился в водительском кресле, одна рука едва касается руля, мягко управляя автомобилем, вторая – расслабленно лежит на коробке передач, острый взгляд устремлен вперед, на лице ни один мускул не дрогнет. Матвей будто выставил морозный щит, чтобы остудить меня, но я готова метать в него молнии и огненные шары.

– То есть ты решил за двоих, как будет лучше? – шумно выдыхаю, словно извергаю пламя, как огнедышащий дракон. – А меня спросить не удосужился?

– Я обидел тебя, – кивает сам себе.

– Как ты догадался! – всплеснув руками, скрещиваю их перед собой.

– Прости, не ставил такую цель, – чуть поворачивает голову к боковому зеркалу, и в этот момент я на эмоциях сжимаю кулаки. – Ты правда хочешь поехать со мной? – мазнув по мне вскользь, поглядывает на часы.

– Опаздываешь? Или я помешаю? – не выдержав, кидаю колко. – Не парься, высади меня на обочине, сама домой доберусь. И езжай на все четыре стороны.

Мэт делает глубокий вдох, выдерживает паузу, чтобы не взорваться, а мне хочется получить хоть какие-то эмоции от него. Отклик, пусть и негативный. Но... он не выходит за

рамки, зачем-то им же возведенные:

– Нет, этого не будет, – в голосе проскальзывают тревожные нотки. – Ты у меня на первом месте. Поэтому сначала я тебя доставлю домой в целости и сохранности. Там и поговорим спокойно. Я все-таки за рулем, давай не будем сейчас ругаться.

Мэт прав. Чертовски прав. Именно это приводит меня в бешенство. Стоп-кран срывает – и я несусь на полной скорости в кабине локомотива по рельсам ревности и подозрений.

– Слушай, может, Нина Евгеньевна приехала не одна? – не могу заставить себя закрыть рот, хотя самое время заткнуться. – Привезла с собой ту самую дочь лучшей подруги? Как ее... м-м-м, – делаю вид, что вспоминаю, хотя имя этой дрянни прочно засело в мозгу, а перед глазами стоит ее самодовольное лицо. – Дуля? – намеренно коверкаю.

– Гуля, – поправляет машинально и цыкает, осознав свой промах. – Малыш, не начинай, пожалуйста. Ты каждый раз ее упоминаешь, когда я к матери езжу. Мы с ней больше трех лет не виделись. Вообще не общались после того случая... – умолкает, чтобы не будить неприятные ассоциации.

Поздно. Я не могу нажать на тормоз. Потеряла нужную педаль.

– Ты имеешь ввиду мое первое знакомство с твоей матерью после того, как ты наконец-то сделал мне предложение? Тот знаменательный обед, на который она пригласила твою бывшую девушку? – выпаливаю ядовито. – Да брось, я давно

об этом забыла, – отмахиваюсь, не пряча злобы. – Мало ли, вдруг у вас традиции такие. Что-то вроде передачи вымпела – от бывшей к будущей...

– Ну-ну, остановись, – тихо шикает на меня. – Я миллион раз уже за это извинился. Если ты не забыла, то я в тот же день высказал все маме и разорвал любые контакты с Гулей. Мне было так же неприятно, как и тебе, если не больше. И еще дико страшно, – снизив скорость, Мэт решается посмотреть мне в глаза. Устало ухмыляется. – Зная тебя, я боялся, что ты вообще разорвешь помолвку и бросишь меня в итоге. Это была жесткая подстава.

– Да уж, сомнительное удовольствие, – соглашаюсь, потупив взгляд.

– Именно поэтому меня напрягает перспектива сегодняшнего совместного ужина, – перестраивается в крайнюю правую полосу. – Мы с тобой и так в эти дни как кошка с собакой. Боюсь, как бы мать не подлила масла в огонь. Ты ведь вспыхиваешь от искры.

– Ничего себе искра... Не каждый день с тобой пытается подружиться бывшая любовница жениха. Еще и лезет с ценными советами, рассказывая, какие позы ты предпочитаешь, а что тебе предлагать категорически нельзя.

Сцепив зубы, взметаю ладонь и со слабым шлепком прикрываю рот. Атмосфера в салоне накаляется, достигает предела, и... Мэт сворачивает на обочину. Включает аварийку, игнорируя сигналы пролетающих мимо автомобилей, бьет

по тормозам. Меня встряхивает, но я тут же оказываюсь в кольце его рук. На плечи ложатся широкие ладони и крепко сжимают. Муж подается ближе, впечатывая меня в кресло. Воздуха не хватает, тоненькое пространство между нами вспыхивает, обжигая тела до физической боли.

– Почему я слышу об этом только сейчас? – жарко выдыхает мне в губы.

– Извини, зря я начала... – вжимаюсь в спинку, мечтая просочиться сквозь нее и сбежать от пытливого, препарирующего мужского взгляда. – Мне было неловко тогда рассказывать, я и так стеснялась, что у меня нет опыта, а теперь... глупо вышло.

– Нет, не глупо, просто поздновато. Долго же ты вынашивала в себе все это дерьмо, – срывается, отбросив ледяной щит. Горим вместе.

– Давай забудем...

Опять не заканчиваю фразу. На этот раз меня перебивают другим способом. Жесткие губы врезаются в мои, сминают настойчиво и жадно. Я не в силах сделать вдох, однако отвечаю на поцелуй. Опускаю ресницы, мурлычу, теряя связь с реальностью. Обиды ставлю на паузу. Мы с Мэтом как два магнита: то отталкиваемся, то притягиваемся. Так и крутимся рядом, поворачиваясь разными полюсами друг к другу.

– Не получится забыть, ты все мои косяки записываешь на подкорку, – отстранившись, он горько усмехается. – Поэтому закроем эту тему здесь и сейчас, раз уж ты не дотерпела до

дома.

– Мэт, я... – кусаю истерзанные им губы, ругая себя самими грубыми словами.

– Во-первых, никого не слушай. Ни одна баба не в курсе, что мне надо и как, – говорит прямо, заставляя меня покраснеть. – Потому что до встречи с тобой я сам о себе ни хрена не знал, Ксю. С тобой все иначе, ярче, острее, по-особенному, – на каждом слове покрывает поцелуями мое лицо. – Я даже сейчас что-то ненормальное чувствую. То ли придушить тебя хочу, то ли опрокинуть на заднее сиденье, – наклоняется к моей шее, ведет носом по пляшущей в экстазе жилке, аккуратно оттягивает кожу зубами.

– А во-вторых? – сиплю пищу, но откидываю голову, открываясь его ласкам.

– Тебе рот зачем? – вгоняет меня в краску, пробуждая неуместные мысли и желания.

– А? – хлопаю ресницами и роняю челюсть.

– Обычно он нужен, чтобы говорить, – Мэт шутливо поддевает пальцем мой подбородок, надавливает, и я клацаю зубами. – Если у тебя есть какие-то претензии или вопросы ко мне, озвучивай их сразу.

– Когда я говорю, мы ссоримся...

– Ксюша-а, – укоризненно тянет.

– Хорошо, поняла, – выкручиваюсь из его хватки и выпрямляюсь.

– Что-то еще... – чувствует тайны и недомолвки, но я ведь

и так наболтала лишнего в сердцах. – Ну же, я слушаю!

Сдаюсь и выпаливаю, как автоматной очередью:

– Когда мы в последний раз были у Нины Евгеньевны, она мне сказала... – тяжело сглатываю. – Если я не рожу тебе, то мы должны развестись.

Затихаю, искоса посматривая на потемневшее лицо мужа. Жалею о том, что призналась. Не следовало...

– Чушь какая, – зло выплевывает. – Это не ей решать, я поговорю с ней. Все?

– Все, – киваю, царапая лямку рюкзака, внутри которого лежит проклятый телефон. Благо, молчит. Стараюсь не думать о нем... и о непонятных сообщениях. Всего лишь чья-то неудачная шутка.

– Хм, допустим, – многозначительно хмыкает муж.

– Матвей? – называю его полным именем, чтобы обратить на себя внимание. Установив зрительный контакт, слегка приподнимаю уголки подрагивающих губ и лепечу чуть слышно: – Я могу в свое оправдание сказать, что люблю тебя?

– Можешь даже поцеловать, – смягчившись, довольно улыбается.

– В щеку, – игриво грожу ему пальчиком.

Подставляет щеку, но как только я касаюсь шершавой кожи, резко поворачивает лицо и, рвано шепнув обреченное «люблю», врезается в мои губы. Поцелуй длится секунды, но пробирает каждую клеточку. Наши с Мэтом энергии сталки-

ваются и превращаются в опасную смесь, хуже ядерной бомбы. За мгновение до взрыва мы отшатываемся друг от друга, судорожно хватая воздух.

– Хочешь со мной на этот гребаный ужин? – цедит муж сквозь зубы, выделяя каждое слово, и буравит меня взглядом, будто пробирается в самую душу.

– Не хочу, но поеду, – дрожу, однако не отступаю.

Дура? Полная!

– Как скажешь, – твердо чеканит Мэт. Еще раз целует меня, только уже нежнее, ерзает на сиденье, будто ему вдруг стало некомфортно. Отдышавшись, возвращается на трассу.

– Наверное, опоздаем из-за меня? Я постараюсь побыстрее переодеться, – медленно остываю и больше не считаю свою идею удачной. Может, стоило остаться дома, как предлагал муж?

– Успеешь. У тебя будет столько времени на сборы, сколько нужно, – выдает безапелляционно. – Я предупрежу маму, что мы задержимся. Пусть ей Глеб пока экскурсию по ресторану проведет.

Глава 4

Ксюша

Вкладываю ладонь в протянутую руку Мэта. Моя – горячая и влажная от волнения, его – ледяная, как обычно. Между нами разительный контраст во всем, даже в таких мелочах. Как мы только уживаемся друг с другом?

– Подожди.

Выйдя из машины, не спешу отпускать мужа. Сжимаю его пальцы и ласково поглаживаю, будто растираю, чтобы согреть. Тяну за руку на себя, а он поддается и, лукаво хмыкнув, приближается к моему лицу, обжигает дыханием щеку. Почти целует, но у меня другие планы. Воровато озираясь, шепчу заговорщически:

– Прикрой меня, я поправлю эту юбку дурацкую.

Убедившись, что поблизости никого нет, прячусь между открытой дверью и мощной фигурой мужа. Наклоняюсь, чтобы одернуть невероятно узкую юбку-футляр цвета бургунди. Аккуратно спускаю ее край ниже колен, проверяю, чтобы разрез оказался в нужном месте: спереди, на уровне левой ноги. Шумно вздохнув, покачиваюсь и случайно утыкаюсь макушкой в каменный пресс мужа, который напрягается еще сильнее.

– Кхм-кхм, – над головой раздается хриплый кашель, переходящий в смешок.

– Ничего не говори, – фырчу предупреждаяще. – Сам знаешь, что я привыкла к спортивному стилю.

Выпрямившись, равняю короткий, бежевый топ, застегиваю приталенный жакет, в один тон с низом. Искося осматриваю себя, оценивая костюм. Надеюсь, достаточно прилично, чтобы понравиться Нине Евгеньевне и соответствовать в ее глазах уровню Матвея. Я весь шкаф выпотрошила перед выездом, однако до сих пор сомневаюсь в себе и не могу успокоиться. Смахнув волосы с лица, запрокидываю голову. Несмотря на высокие каблуки, я все равно ниже ростом.

– Нормально? – заглядываю в напряженное лицо мужа и ищу поддержку. Тем временем он внимательно изучает меня, не пропуская ни одного сантиметра тела. – Что не так? Помялось что-то, пуговица отлетела?

Взволнованно ощупываю себя, теряю равновесие на неудобных шпильках, и тут же талию фиксируют мужские руки, ползут под жакет, а пальцы проходятся по тонкой полоске кожи между границей топа и поясом юбки.

– Ты такая красивая у меня, – шелестит над ухом.

Рывок – и я впечатана в мощное тело, размазана по нему, как кусочек растаявшего масла по хлебу. Начинаю переживать за свой внешний вид, но все мысли выбивает из головы настойчивый, жадный поцелуй. Язык проходится по приоткрытым губам, вторгается между ними – и я покорно отвечаю на неожиданную вспышку страсти. Невозможно сопротивляться мужу. Это противозаконно! Тем более, в такие

ценные моменты, когда он превращается в оголодавшего ди-
каря, который решил полакомиться мной.

Мэт готов затолкать меня обратно в салон и, наплевав на встречу, перейти к активным действиям. Прямо здесь. На парковке. Как в те беззаботные дни до свадьбы, когда мы уже были помолвлены, но еще не женаты – и просто любили друг друга. Отрывались, как перед концом света, будто чувствовали, что потом наш крохотный мирок покатится в ад. Сейчас кажется, это было в прошлой жизни и не с нами.

Хотелось бы верить, что мы в состоянии разжечь былой пожар. Но... Еще утром Матвей держался отстраненно и холодно. Пресекал любые мои попытки сблизиться. И не только сегодня. Он заметно остыл ко мне в последнее время. Что изменилось этим вечером? Наконец-то, соскучился?

Губы продолжают машинально шевелиться, принимая поцелуй, но огонек в груди слабеет и гаснет, а мозг включается в работу. Сознание пронзает внезапная мысль: «А может, дело во мне?». Чаще всего Мэт видит рядом обычную девушку, с хвостиком на макушке, без макияжа, в его футболках, которые я обожаю у него воровать, или в спортивных лосинах и топе. Разве это может привлечь, особенно после длинноногих официанток в форме, которые целыми днями крутятся рядом с ним в ресторане.

Докатилась до того, что собственный муж не хочет.

– Ксю, ты опять напряглась? – Мэт сам разрывает поцелуй, о котором я вообще забыла, просто послушно при-

нимая. Прекращает эту игру в одни ворота и отклоняется. Заключает мое горящее лицо в ладони, поглаживает щеки большими пальцами. – Прекращай паниковать. Я уже не знаю, как тебя отвлечь.

Губами касается моего лба, и мы оба замираем, каждый думая о своем. Отгоняю разрушительные мысли, нежусь в объятиях любимого, программируя себя, что все у нас будет хорошо. Почти получается расслабиться, но...

– Долго же вы, деточки, – пререзает благодатную тишину неестественно сладкий голос свекрови. – Я устала ждать, мы весь ресторан обошли, ноги гудят. А где вы были?

– Добрый вечер, Нина Евгеньевна, прекрасно выглядите. Как ваше здоровье? – выпаливаю отрепетированную в машине речь, а сама даже не смотрю на свекровь. Так проще лицемерить про ее внешний вид.

– Твоими молитвами, – парирует она.

– Мам? – оглядывается Мэт, предупреждающе хмыкнув, и Нина Евгеньевна меняется как по волшебству.

– Сынок, у тебя шикарный ресторан. Мне та-ак все понравилось, – ловко переводит тему.

Муж кивает, настороженно косится на меня, ловит мой нервно бегающий взгляд и, тяжело вздохнув, с силой хлопывает автомобиль, активируя сигнализацию.

– Прохладно, давайте внутрь, – обхватив мое запястье, ведет ко входу в ресторан. – Там пообщаемся в нормальной обстановке.

Чмокает меня в щеку, когда мы немного отстаем от Нины Евгеньевны.

Свекровь заходит в здание первая, уверенно шагает к нужному столику в вип-зоне. По-хозяйски подзывает официантку. Быстро же она тут освоилась. Я до сих пор стесняюсь и скромничаю, за что Мэт часто по-доброму смеется надо мной. Не устаю повторять, что ресторан наш общий, и я в нем полноправная владелица. Что без моей поддержки у него ничего бы не получилось. Приятно, хоть это не более чем сладкая ложь.

– Привет, Глеб, – киваю, когда рядом с нами материализуется лучший друг и управляющий моего мужа.

Он всегда у Мэта на подхвате. Правая рука. Ему как раз и выпала сегодня честь развлекать капризную свекровь, пока мы опаздывали.

– Фух, – смахивает со лба несуществующий пот и демонстративно закатывает глаза, намекая мне, что Нина Евгеньевна его замотала.

Тихонько хихикаю, сочувственно качнув головой, но тут же ощущаю, как на мою поясницу ложится рука Матвея, тяжело надавливает.

– Глеб, все под контролем? – внезапно рывкает на него, а меня обнимает и прижимает к себе. Будто напоминает, чья я жена, хотя вряд ли у кого-то могут возникнуть сомнения.

Смену настроения Мэта замечаю только я. Свекровь выносит мозг официантке, тыкая пальцем в меню, а Глеб невоз-

мутимо рапортует:

– Матвей, ты мне нужен. Накладные сегодня после обеда пришли, там хрень какая-то, – тараторит так быстро, что с трудом различаю слова. Есть у него такая особенность: на нервах проглатывать окончания и комкать целые фразы. Но Мэт привык и легко расшифровывает «послание».

– Не сейчас, я с семьей побыть хочу. Считай, я здесь в роли клиента, – отмахивается.

Галантно отодвигает стул, чтобы я села. Мы оказываемся с Ниной Евгеньевной друг напротив друга. Чувствую, себя как перед началом допроса. А свет лампы, неудачно падающий мне на лицо, нагнетает атмосферу.

– От успешности бизнеса зависит благополучие твоей семьи, – не отрываясь от меню, бубнит свекровь. Пытается поучать Мэта, но тот не сводит с меня встревоженного взгляда. Не хочет оставлять наедине с матерью.

– Иди, мой родной, все нормально, – шепчу ему с улыбкой, кожей ощущая испепеляющий взгляд Нины Евгеньевны.

– Точно? – продолжая игнорировать ее, переспрашивает.

– Матвей, я тебя и так весь день жду. Дело правда срочное. Или давай сюда бумаги принесу? Но там стопка целая... – уговаривает Глеб.

– Нет, я поднимусь в кабинет, – чеканит Мэт резко.

Взяв меня за плечи, целует в макушку, а потом вместе с Глебом размашистыми шагами направляется к лестнице, по

дороге что-то недовольно ему высказывая и эмоционально жестикулируя. Провожая мужа взглядом. Наблюдаю, как он поднимается на второй этаж, пересекает полукруглый внутренний балкон. Как к нему присоединяется администратор – грудастая блондинка, которую я заочно терпеть не могу. Впрочем, я всех девушек, выющихся рядом с мужем, расстрелять готова без суда и следствия. Но тогда у него будет мужской ресторан.

Закусив губу, морщусь, когда втроем они скрываются в кабинете. Заливаю костер ревности воображаемым ведром воды. Выдыхаю.

– Зачем мужа от бизнеса отвлекаешь? – скинув маску, пока Мэт далеко от нас, грубо бросает свекровь. – Посмотри, сколько у него дел собралось, пока вы весь день непонятно где шляли. У тебя по-прежнему одни гульки на уме.

– Что? Мы не... – собираюсь возразить, но вдруг покрываюсь морозной коркой.

Потому что после обеда Мэт мог быть где угодно, но... точно не со мной. Значит, солгал о том, что его срочно вызвали на работу?

– Я думала, что он был сегодня в ресторане, – неосознанно выдаю вслух.

Поздно понимаю, что зря. Пока я судорожно сглатываю горечь, которая отравляющим комом катится из горла в грудь, Нина Евгеньевна расплывается в злорадной улыбке. Мысленно поставив на нас крест, возвращает внимание к

официантке и воодушевленно щебечет с ней. Изредка мечет в меня косые победные взгляды.

Поджав губы, тереблю пальцами салфетку, стараясь абстрагироваться от свекрови и подавить боль. Всему должно быть логическое объяснение. И женским духам, и помаде, и подозрительным звонкам, и тем эсэмэскам, и даже отсутствию Мэта на работе. Все это еще ничего не значит. Ведь так?

Глава 5

Матвей

– Извини, что оторвал от семьи. Но иначе ты же сам будешь потом орать на меня, что я своевременно не показал тебе косяки, – не унимается Глеб, пока я недовольно толкаю его наверх. – Я тебя весь день караулил, а ты сначала на кухне пропал, поваров чихвостил, а потом экстренно уехал. Куда, кстати?

– Не твое дело, – взметаю указательный палец вверх, приказывая ему заткнуться.

Взволнованно оглядываюсь на столик, за которым друг напротив друга сидят Ксюша и мама. На удивление спокойно и мирно общаются. Хотя чего я ожидал? Драки прямо в ресторане с вырыванием волос и метанием еды? Моя жена не такая. Она нежная, приличная, добрая и чуточку наивная. А в том, что не может со свекровью контакт наладить, нет ее вины. У матери невыносимый характер, я сам часто ее не понимаю.

После того, что узнал в машине, я вообще впал в ступор. На хрена было на Ксюшу давить с беременностью? Зачем вообще полезла в нашу постель? Валькирия тоже хороша: мне мозг чайной ложечкой ковыряет, а о серьезных вещах молчит. Неужели думает, что в таком щепетильном вопросе я приму сторону матери? За три года я не дал Ксюше ни еди-

ного повода усомниться во мне. Всегда выбирал ее.

Разведемся, если не родит мне? Идиотизм. Из любой, самой глубокой задницы должен быть выход. И мы его найдем. Даже если нет, жена никуда от меня не денется.

– Я что-то лишнее ляпнул? – жужжит над ухом Глеб, щедро заливая маслом костер моего раздражения. – Не надо было при Ксю о твоём отсутствии говорить? Я же не знал, что это тайна. Предупреждай, если что-то скрываешь от нее. Я же охотно поддержу, как мужик мужика, организую тебе алиби, – многозначительно ведет бровями.

Терпеть не могу, когда он пересекает мои личные границы. А эта тема писец какая личная. Разумеется, жена не в курсе. Не надо ей переживать лишний раз – и так дерганая до невозможности.

– По своим делам ездил, не суй нос, – грубо обрываю его словесный понос. – И вообще, какая на хрен «Ксю»? – взрываюсь без особого повода, но мне просто необходимо выплеснуть на кого-то скопившийся негатив. – Для тебя она Ксения. Оксана. Оксана Артемовна, в конце концов, – незаметно для себя повышаю голос, однако осекаюсь, когда в поле зрения мельтешит Света, наш администратор. – Еще раз увижу, как ты глаза моей жене строишь, уволю к черту, – цежу гораздо тише. – Мне без тебя триггеров хватает. С ее-то работой.

– Ты чего? Я без задней мысли. Просто поздоровался, пошутил слегка. Она выглядела нервной и напряженной. На-

верное, мать твою боится. Я, если честно, тоже, – шипит заговорщически.

– Не твоя забота – мою жену расслаблять, – выпаливаю зло и кривлюсь от собственной формулировки.

– Я и не претендую, – Глеб поднимает руки в знак капитуляции и делает шаг в сторону, подальше от меня. – А ты загоняешься. Проблемы у вас?

Простреливаю его яростным взглядом. Ловлю непонимающее выражение лица – и выдыхаю. Перегнул палку, кажется.

Не могу не ревновать жену. Красивая, спортивная, умная, страстная, чистая. Моя только, и я ни с кем ее делить не намерен... Когда мы познакомились, у ее ног мужики штабелями укладывались, а она зачем-то меня выбрала, рядового повара без бабла, в долгах и с кучей проблем. Такие шикарные девушки, как Ксюша, созданы для того, чтобы их обеспечивали и потакали любым капризам, а я ей на тот момент ничего дать не мог. Даже нормальное свидание организовать мне было не по карману, да и времени на личную жизнь не хватало. И отпустить ее не смог, и предложить было нечего. Так и болтался вокруг, как говно в проруби. Если бы Ксю ушла тогда, я бы понял. Но она почему-то осталась со мной. Как только я на ноги встал и занялся бизнесом, сразу ей предложение сделал. Думал: все плохое теперь позади. Моя. Женю на себе и не отпущу.

Оказалось, я жестко ошибался. После штампа в паспорте

проблемы начали нарастать как снежный ком. На работе аврал. Дома притирки, недомолвки, ссоры. Расслабиться некогда, спрятаться нигде. Мы тонем вдвоем. Латаем пробоины в нашем семейном корабле. Вроде бы заткнул одну, так из другой хлещет. Теперь еще и с беременностью ни черта не получается. Ксюша бредит ребенком, а я... Тоже хочу, но не настолько, чтобы жертвовать женой. Признаться, соскучился по ней прежней.

– Выходные возьми, – по-дружески советует Глеб. – Следуйте куда-нибудь вместе. Когда вы вообще вместе отдыхали? Ты ведь за все эти годы на раз в отпуске не был.

– А как иначе? В ресторане надо с персоналом вопрос закрыть, шефа нормального найти. Кроме того, филиал строится. Да и конкуренты не дремлют, – зыркаю на друга. – А кое-кто не может даже в накладных самостоятельно разобраться. Может, реально тебя уволить? – повторяю угрозу, но уже несерьезно.

Глеб прав: я действительно сгущаю краски и срываюсь на каждом шагу. К сожалению, на это есть объективные причины.

– Да кто еще тебя вытерпит, дружище? – смеется, хлопая меня по плечу. – Светик, кабинет открой нам, – подзывает суемящегося вокруг администратора.

Блондинка цокает по коридору на каблуках, виляет бедрами, на ходу доставая ключи из кармана формы. Поравнявшись со мной, случайно роняет связку и, ойкнув, наклоня-

ется за ней, выпячивая зад, обтянутый узкой юбкой.

Глеб мгновенно концентрируется на формах и теряет связь с мозгом, полностью стекая в штаны. Работник года, мать его. Как же легко вывести из строя.

– Животное, – бросаю чуть слышно и бросаю беглый взгляд в сторону балкона. Из зала нас не должно быть видно, так что у Ксюши не появится повода для ревности. Мне это сейчас на хрен не надо.

– Подкаблучник, – парирует друг и, судя по учатившемуся дыханию, продолжает облизывать взглядом администратора.

Глеб занимается подбором обслуживающего персонала. И модель Свету предложил на должность именно он. Я одобрил, исходя из ее опыта работы и рекомендаций. Резюме у нее было безупречное. А приятная внешность для сотрудника ресторана – несомненный плюс. У нас все девчонки симпатичные, как на подбор. Статус заведения обязывает следить за этим.

– Извините, – поднимается Света и протискивается мимо нас к двери.

На доли секунды прижимается ко мне, мажет грудью по плечу, обволакивает шлейфом духов. Отступаю, чтобы дать ей пройти. Пока она возится с замком, задерживаю дыхание.

– Спасибо, Светлана, можете быть свободны, – киваю ей в знак благодарности и заталкиваю застывшего Глеба в кабинет. Захожу следом.

– Матвей Андреевич, давайте я вам кофе или чай принесу? – мило щебечет администратор, взмахивая ресницами, и мнется на пороге.

– Ничего не нужно, иди работай, – захлопываю дверь перед ее носом.

Наконец-то делаю глубокий вдох.

– Папки на столе, – отмерев и вернув себе деловой настрой, сообщает Глеб.

– Посмотрим, что тут у нас, – обреченно падаю в кресло напротив стопки бумаг.

Внимательно изучаю каждую страницу, а Глеб комментирует. Приходится вникать в процессе, чтобы не терять времени. Рассчитываю быстро расправиться с делами, поставить подписи и вернуться на семейный ужин, будь он неладен... Но очередная фраза друга обезоруживает меня:

– Матвей, а вызывал я тебя по поводу как раз этих накладных, – подсовывает папку мне под нос. – В них позиции не совпадают с реальными поставками. Суммы и сроки гуляют. Как будто диверсия какая-то, причем топорная. Если бы ты подписал не глядя и нагрянула бы проверка, нам бы не поздоровилось.

– Значит, хорошо, что я был занят сегодня другим, – хмыкаю устало. – Думаешь, конкуренты ведут грязные подковерные игры? Или просто наши внутри ошиблись?

– Черт знает, ты многих бесишь. Развиваешься быстро, клиентов переманиваешь, у сыночка Михайлова место увел

из-под носа, где сейчас филиал строишь. За что тебя любить? – усмехается Глеб. Он прямолинеен, как обычно. – Лучше перестраховаться.

– Пока ничего не принимаем, ставим на паузу, – бью ладонью по документам. – Завтра собери в кабинете всех участников. Вызови поставщика. Будем выяснять, где крыса завелась. В крайнем случае, разгоним штат к чертям.

– У тебя такими темпами совсем людей не останется, – укоризненно качает головой.

– Я не потерплю в команде ни бездарей, ни предателей. Это принципиальная позиция, – собираю бумаги и прячу в сейф, доступ к которому есть только у меня. – Слишком многое на кону. Бизнес мне нельзя терять, – чеканю грозно, опять думая о Ксюше. Ради нее это все. Ради нас.

Взвинченный, спускаюсь в зал ресторана. Я не надеюсь расслабиться за ужином – хочу просто пережить его, а после – отвезти мою нервную фурию домой. Но даже таким скромным мечтам не суждено сбыться. На редкость гадский день заканчивается вечерним апокалипсисом.

Глава 6

Ксюша

«Твой муж тебе изменяет».

Хлестко и коротко.

Именно так выглядело первое сообщение от неизвестного абонента. Тогда я не придавала ему значения. Рассмеялась, быстро набила ответ: «Вы ошиблись номером. У меня нет мужа. Я вообще-то сам мужик», – и отправила, после чего заблокировала контакт.

Матвею решила не говорить об этой глупости. Он и так был дерганным, чуть ли не круглосуточно пропадал на работе, возвращался разбитый и уставший, почти не разговаривал со мной. Я же его старалась не трогать без особого повода. Связала подавленное состояние мужа с новым проектом: в тот момент Мэт решил расширяться и открывать филиал. Я просто была рядом и поддерживала его, хотя особого толка от меня никогда не было. Матвей барахтался сам, а моей задачей было не мешать.

Анонимный «доброжелатель» после издевательского ответа исчез, будто растерялся или обиделся на блок. Я забыла о нем, погрузившись в бытовые заботы, но спустя время пришла очередная эсэмэска непонятного содержания, уже с другого номера. Следом – еще одна. Чем больше я игнорировала, чем чаще получала весточки. Причем все они при-

летали в отсутствие Матвея, а общий смысл сводился к тому, что мой муж на самом деле находится не там, где говорит. И занят совсем не работой...

Я удалила сообщения, занесла в черный список все подозрительные номера, потому что верила любимому. Напоследок попросила Мэта поменять мне сим-карту, солгав, что потеряла старую и не могу восстановить. Надеялась, что избавилась от телефонных мошенников. Успокоилась. Выдохнула. Стала уделять больше внимания мужу, по-прежнему загадочному, охладевшему и молчаливому.

«Я могу прислать доказательства», – короткая фраза, мелькнувшая после длительного перерыва, едва не добила меня. Сегодня утром. А в насмешку – женские духи и помада на моем мужчине. Как будто кто-то посмел пометить его.

Мне начинает казаться, что я схожу с ума от паранойи. Мне бы с родителями пообщаться по душам или с Каролинкой. Они каким-то чудом умеют быстро и безболезненно вправлять мне мозги. Но в моем распоряжении сейчас лишь свекровь, которая с радостью от меня избавится, стоит лишь дать повод.

– Подумать только, законная жена не знает, где и с кем проводит день ее муж, – сквозь зубы довольно шипит Нина Евгеньевна, делая при этом вид, что сосредоточена на меню. Она скоро дыру в нем протрет, а бедная официантка собьет каблук, подбегая по каждому ее зову. Придется девчонке подковы менять, как лошади.

Впрочем... Окидываю взглядом, худенькую, сексапильную брюнетку, застывшую у барной стойки, оцениваю ее фигуру, кукольную внешность и... злюсь. От жалости не остается и следа. Пусть сотрет свои бесконечные ноги в порошок – не на чем будет к начальству дефилировать.

– Подумать только, родная мать за столько лет не изучила сына и позволяет себе усомниться в нем, – равнодушно тяну, продублировав надменный тон свекрови, и тоже раскрываю папку. Названия блюд плывут перед глазами, буквы скачут, как блохи, а на страницах остаются влажные разводы от моих пальцев.

Сердце ускоряет бег, пускаясь вскачь, и я прикладываю руку к груди. Расстегиваю жакет, оттягиваю край топа, держу ткань, пытаюсь создать сквозняк и охладиться. Однако рядом с Ниной Евгеньевной ничего не помогает. Она будто высасывает из меня все силы и закусывает моей уверенностью в себе.

– Или костюм неудачный, или ты пополнела, – бесцеремонно рассматривает меня, задерживаясь на декольте.

– Мужу нравится, – дерзко парирую.

Подтягиваю топ чуть ли не до горла, чтобы скрыть ложбинку, а сама искоса поглядываю на свое отражение в оконном стекле. Я фанатично слежу за фигурой, в перерывах между занятиями с детьми не отдыхаю, а качаюсь в тренажерке, да еще и соблюдаю диету, кроме тех дней, когда Мэт дома и закармливает меня вкусностями собственного приго-

товления. Однако такие моменты случаются все реже. Убеждаю себя, что это к лучшему – не потолстею. Хотя я и так в весе не прибавляю, вот только... грудь будто налилась, стала пышнее, как дрожжевое тесто, поэтому и топ сидит неправильно – обтянул формы, приподняв и выставив все напоказ.

Все-таки дурацкий костюм. Опять я не угадала с дресс-кодом и не угодила свекрови. Вздохнув, оставляю тщетные попытки привести себя в порядок. Бесполезно, когда напротив сидит ревизор, заранее поставивший на тебе крест. Утыкаюсь носом в меню, прикрыв папкой вырез на груди от испытывающего взора Нины Евгеньевны.

– Ну, Матвей слишком тактичный и интеллигентный, чтобы указать на твои недостатки. А я по-женски предупреждаю: перестанешь следить за собой, на твое место быстро найдется другая. У него здесь выбор богатый, многообразный, – как бы невзначай кивает на загнанную официантку, которую я и так уже придушить готова. Просто за то, что она существует и ходит возле моего мужа такая красивая.

– Нина Евгеньевна, чего вы добиваетесь? – с шумом захлопнув меню, подаюсь вперед, навалившись на стол. – Вы приехали, чтобы нас рассорить?

– Боже упаси, невестушка, – неискренне улыбается она и активно размахивает руками, будто готовится взлететь. Украдкой поглядывает на балкон, проверяя, нет ли Мэты в зоне видимости. – Я добра вам желаю. Но если тебе не нужны мои советы... – обрывает фразу, выжидаяще прищу-

рившись. Ощущение, словно вскрывает меня без наркоза и под кожу лезет, как паразит. Невольно съеживаюсь, пытаюсь сбросить с себя морозные мурашки.

– Спасибо, не надо, – пожимаю плечами, заставив ее скрипнуть зубами от негодования. – Мы как-нибудь сами справимся.

– Конечно, как скажешь, – подозрительно быстро отступает свекровь, чтобы зайти с тыла: – Матвей обмолвился сегодня, что ездил за тобой на работу. Ты устроилась куда-то?

– Да, в спортцентр детским фитнес-тренером, – выдаю без заминки и без стыда. Наоборот, с налетом гордости и самодостаточности.

Трудиться не зазорно, а почетно – этому с пеленок учили меня родители. Однако у Нины Евгеньевны какая-то своя, альтернативная реальность.

– Тренер? Как-то не очень соответствует статусу жены бизнесмена, – кривится она, углубляя припудренные морщины и придавая своему лицу зловещее выражение.

– Мэт не всегда был бизнесменом, – напоминаю невозмутимо, хотя в груди кипятик и нечем дышать.

В сознании всплывают картинки прошлого, яркие, позитивные, наполненные счастьем и любовью. На них другой Мэт, простой парень с горящими глазами, чистым сердцем, открытой душой и готовый перевернуть весь мир, если я буду стоять за его спиной. Я скучаю по нему так сильно, что горький ком сворачивается в горле. По нам прежним. Тогда

казалось, что у нас не было ничего, а на самом деле мы были по-настоящему богаты, потому что принадлежали друг другу. Сейчас все иначе...

– Времена меняются, запросы растут... – играет крашеными бровями.

– Однако настоящие мужчины остаются собой, несмотря ни на что, – выкручиваюсь я, ощущая, как липкая капелька пота забирается в ложбинку груди. – Вы же воспитали настоящего мужчину, Нина Евгеньевна? – загоняю ее в тупик.

– А ты сомневаешься? – кусается и шипит до последнего, как пойманная за хвост гадюка. – Ты должна быть благодарна мне за это.

– Я благодарна... – делаю паузу, а потом смело кидаю: – Матвею. За то, что он есть у меня.

– Надолго ли?

Перестреливаемся взглядами – и в следующее мгновение отворачиваемся друг от друга. Одновременно концентрируем внимание на лестнице, по которой спускается та самая блондинка, что суетилась около Мэта. Модельной походкой она плывет к нам, ловко перебирая высокими каблуками и виляя бедрами. Останавливается четко возле свекрови, поправляет бейджик на высокой груди, а он топорщится так, что сложно разобрать имя. С трудом читаю: «Светлана. Администратор». Если не ошибаюсь, она новенькая. Предыдущий паренек на этой должности мне нравился больше, но Мэт его все-таки уволил. Ради этой...

– Все в порядке, Нина Евгеньевна? Вам здесь нравится? – она заискивает перед свекровью сквозь сияющую голливудскую улыбку. – Если что-нибудь нужно, обращайтесь, – удостоив меня легким кивком, возвращается к ней, а та сияет, как чеканная монетка, двумя руками загребая неприкрытую лесть и жадно распахивая ее по карманам.

Покачав головой, тянусь к стакану с водой, делаю глоток, чтобы смочить пересохшее от нервов и перепалок горло. Выдыхаю.

Моя главная ошибка в том, что я не умею лицемерить. Или говорю, что думаю, или помалкиваю. Сейчас благоразумно выбираю второе. Со скучающим видом откидываюсь на спинку стула, скрестив руки под грудью, отчего топ натягивается сильнее. Да и плевать. Все больше склоняюсь к мысли, что надо было выбрать вариант Мэта и пропустить этот ужин.

– Да, Светочка, – щебечет на ультразвуке Нина Евгеньевна, отчего мои глаза округляются от удивления, брови ползут вверх, а челюсть, наоборот, отваливается и стремится к начищенному до блеска паркету. – Очень уютно у вас, мило и, зная своего сына, вкусно, – забрасывает комплиментами ресторан, но с такой интонацией, будто в этом заслуга администратора. Эта Света работает здесь без году неделю. Что значит «у вас»?

– О да-а, Матвей Андреевич божественно готовит, – с придыханием стонет администратор, словно прямо здесь и

сейчас получит оргазм. Резко отсекается, покосившись на меня.

Вопросов у меня к ней больше, чем ответов. И главный: «Какого черта только что было?»

– Кстати, мой муж не сказал, как долго будет занят? – заявляю свои права, а все женское естество бунтует. Почему я вообще должна кому-то доказывать, что это мой мужчина? Напоминать, кто я такая? С каких пор мне нужно отвоевывать собственного мужа? Мой мир сошел с ума, а я самый буйный пациент в этой психбольнице.

– Пообещал скоро спуститься, – лепечет Света негромко. Испепеляю ее взглядом, а она теряется, переминаясь с ноги на ногу и поглядывая на свекровь. Со мной избегает зрительного контакта, будто провинилась. И, кажется, я не хочу знать, в чем именно...

– Будь добра, уточни на кухне, когда будет готов мой заказ, – по-доброму просит ее Нина Евгеньевна.

Пользуясь удобным моментом, она забирает меню и испаряется.

– Светочка? – не выдерживаю.

Если учесть, что меня она называет не иначе, как полным именем Оксана, такое уменьшительно-ласкательное обращение к администратору вводит меня в замешательство. Свекровь сегодня перешагнула все границы – и открыто плюет мне в лицо.

– Ну а что? Хорошая девочка. Мы пообщались немного,

пока они с Глебом мне экскурсию по ресторану проводили, – хмыкает как будто ни в чем не бывало. – Знаешь, она раньше помощницей руководителя работала, опыт большой, так что со временем вполне может стать правой рукой Матвея. Грамотные специалисты сейчас на вес золота. Ему очень нужна поддержка, а то все в одиночку на себе тащит.

– Он не один, если вы не заметили, – цежу, не скрывая злости.

– Тренер в бизнесе не помощник, – совершает контрольный выстрел в мое самолюбие. – Твоя задача следить за бытом и обеспечивать гармонию в семье. К слову, как у вас продвигается дело в плане детей? Внуков я дождусь? – беспощадно лупит по больному. Битами, обмотанными колючей проволокой и истыканными гвоздями.

– Не ваше дело, – от бессилия перехожу на хамство. – Это касается лишь нас с Матвеем.

– Значит, никак, – вздыхает с притворным сочувствием. – Неужели и здесь Матвею помощь со стороны нужна будет?

Простреливаю свекровь яростным взглядом, сжимаю в кулаке салфетку. В момент, когда я готова сорваться с цепи правил приличия и загрызть ее, между нами опускается рука официантки. Как шлагбаум. Брейк.

Перед Ниной Евгеньевной появляется тарелка с овощным салатом, а затем над мой головой вкрадчиво и весьма вежливо звучит:

– А вам что принести?

– Ничего, спасибо, – жестом прошу официантку уйти.

Как только она исчезает, молча нахожу на столе солонку, задумчиво прокручиваю ее в руке – и молча протягиваю к заказу свекрови. Хмыкнув, начинаю щедро посыпать солью салат.

– Что... ты делаешь? – опешив, мямлит Нина Евгеньевна.

– Немного соли вам не помешает. А то слишком у вас приторно сладкое лицо каждый раз, когда вы изводите меня и намекаете на измену сына, – произношу на редкость спокойным тоном, не прекращая солить ее блюдо.

Плохо дело. Когда меня кроет, я опускаю забрало и слепо размахиваю шашкой. Именно это происходит сейчас. Знаю, что натворю бед, за которые мне потом будет стыдно, но ничего не могу с собой поделать. В такие моменты только Мэт способен меня остановить, но его нет поблизости.

– Тебе показалось, – капитулирует Нина Евгеньевна, осознав, что перегнула палку. Но назад пути нет. Здравый смысл пал под гнетом эмоций.

– Пожалуй, поперчить тоже нужно, – беру соседнюю баночку. Так же невозмутимо встряхиваю.

– Прекрати, на нас люди смотрят, – озирается свекровь, стыдясь свихнувшейся невестки.

– Мне все равно, – трясущейся перечницей, но из нее еле сыплется. – Я люблю Мэта, Нина Евгеньевна, и никому его не отдам, что бы вы ни делали, – произношу четко и строго.

– Не выдумывай, я ничего плохого не хотела, – фыркает

она. – Я ради вас стараюсь. Да я вообще-то...

Крышка с баночки неожиданно слетает – и весь перец высыпается на измученные овощи, прибывая их черным пеплом поверх одеяла из соли. Врезавшись, ядерным грибом поднимается над тарелкой. Такого эффекта я никак не могла предугадать.

Опешив, я с открытым ртом слежу, как душистые частицы разлетаются в воздухе. Нина Евгеньевна отмахивается, но они забираются в ноздри, заставляя нас обеих чихать. Машинально подскакиваю на ноги, зажимая раздраженный нос, и сверху вниз смотрю, как она пытается «отбиться» от перца, который оседает на ее светло-персиковое платье. Проступает плесенью на ткани.

– Дикая, – хрипит свекровь и опять чихает. – Не зря я... – очередной чих мешает ей закончить фразу.

К столику мгновенно подлетает Светлана, принимается лично все убирать, помогает Нине Евгеньевне спасти платье, но лишь глубже втирает в него перец салфетками. Не сразу замечаю, что подошла администратор не одна. Осознаю масштаб и размах проблемы, лишь когда слышу до боли родной голос:

– Хм, и что произошло за пять минут, что меня не было? – уточняет он напряженно.

Нещадно жую губу, наблюдая, как свекровь, узрев сына, начинает имитировать приступ астмы, которой она никогда не страдала. Чувствую себя последней сволочью, потому

что... не верю ей ни капли. И не могу заставить себя подойти к ней, помочь и хотя бы сделать вид, что беспокоюсь. Наблюдаю со стороны, как вместо меня роль заботливой невестки выполняет Света.

Продолжаю стоять как вкопанная рядом с Матвеем. А он тоже не спешит сдвигаться с места. Замер, спрятав руки в карманы, хмурится и пытается выбраться из состояния ступора. Медленно переводит взгляд с матери на меня. На дне зрачков – шок, непонимание и немой вопрос.

Прячу лицо в ладони – и тут же чихаю в них.

А все же... надо иногда слушаться мужа. Я ведь могла бы сейчас быть дома, в пижаме под одеялом, и переключать каналы телевизора в поисках интересного кино. А вместо этого сама стала героиней низкопробной трагикомедии. И мне категорически не нравится сценарий.

Глава 7

Матвей

Ни черта не соображаю, что происходит. Ксюша молчит, терзая ровными, фарфоровыми зубками пухлые губы. Смотрит на меня глазами испуганного лемура, а на дне расширенных зрачков неоновыми буквами мигает: «Накосячила». Понять бы только, в чем... Хотя в такие моменты я готов простить ей все.

Оторвавшись от виноватого личика, окидываю взглядом стол, засыпанный перцем, причем так, будто над ним перечница взорвалась в полете. Характерный запах проникает в нос, дразнит рецепторы – и я морщусь, покашливая. Ксюша рядом со мной тонко, смешно чихает, тянет испачканные руки к щекам, прикрывается. Передергивает плечами, пытаюсь подавить очередной чих, но он приглушенно бьет в ладони.

– Так что произошло? – напираяю.

Первый порыв – схватить «преступницу», пойманную на горячем, точнее, на душистом и остром, а потом увезти ее отсюда. Дома разберемся.

Однако мама перетягивает на себя одеяло, или в нашем случае – скатерть. Причем делает это буквально. Держится за край ткани, надрывно кашляет, охает, принимает из рук Светы стакан воды, но не отпивает ни глотка. Администратор носится вокруг, уточняет что-то, старается угодить ей и

помочь. А я по-прежнему не понимаю, в чем проблема. Фарс какой-то, а не семейный ужин. Я подозревал, что мои дамы не смогут спокойно находиться наедине. Но не ожидал, если честно, что за короткое время они устроят настоящий хаос. Я чертовски устал, хочу отвезти мать в квартиру, а с Ксюшей отправиться спать. Неужели я многого прошу?

– Маленький конфуз.

Жена использует эту фразу, когда не хочет вдаваться в подробности. За «конфузом» может скрываться что угодно: от сломанного ногтя до спаленных занавесок на кухне. Зыркнув на свекровь, она зло поджимает губы и скрещивает руки на груди.

Выдыхаю тяжело и протяжно, с глухим рыком. Боковым зрением замечаю, что моя Ксю на всякий случай отступает от меня на безопасное расстояние. Слышу, как затихает мать, оборвав надоедливые охи и причитания. Осознаю, что от этих двоих ничего толкового не добиться, по крайней мере, пока они вместе в одном помещении, так что остается последняя надежда на администратора.

– Светлана, вы отвечаете за зал. Рассказывайте, что случилось в мое отсутствие, – строго окликаю ее.

– Матвей Андреевич, – она семенит на каблуках, порхает ко мне под прицелом испепеляющего и терзающего на части взгляда Ксюши. – Просто недоразумение. Наверное, бракованные емкости под соль и перец попались. Галечка все быстро уберет, помещение проветрит, а вам другой столик

найдет, – щелкает пальцами официантке, и той тоже достается пара разрывных «пуль» от моей жены.

– Плохо, Света, выговор тебе, – срываюсь на администраторе. – В следующий раз лично проверяй посуду на столах. Нам не нужны ни конфузы, – укоризненно кошусь на Ксюшу, – ни жалобы от посетителей. Бардак, – выплевываю в сердцах.

– Конечно, Матвей Андреевич, – сипло тянет Светлана, вжимая голову в плечи.

– Не наказывай ее, – мать неожиданно вступается за постороннюю девушку, причем из обслуживающего персонала, к которому никогда не питала особой любви. – Оксана сделала это намеренно, чтобы испортить ужин.

– Он и так был испорчен. Еще до того, как начался, – тихо бубнит Ксюша, так что слышу только я.

– Так, бляха, все с вами обеими ясно, – нервно массирую переносицу. – Собирайтесь – и по углам. Тьху, – проглатываю ругательство. – По домам!

Лучший вариант – оградить их друг от друга, а потом с каждой поговорить поодиночке. В противном случае я свихнусь раньше, чем разберусь в конфликте. В том, что он есть, я не сомневаюсь. Чувствую себя воспитателем в детском саду, на которого свалились два особо трудных ребенка.

– У меня давление упало и голова кружится, – мама взмывает руку ко лбу, касается пальцами линии морщин и прикрывает глаза.

– Светлана, аптечку принеси, – щелкаю пальцами.

Администратор испаряется. Зато на ее месте появляется Глеб, с охреневшим выражением лица рассматривающий стол. Хмыкнув, слегка толкает меня плечом, вопросительно дергает подбородком. В ответ могу лишь цыкнуть и отмахнуться: не до объяснений сейчас. Я и сам еще от «конфуза» не отошел.

– Откуда здесь нужные мне лекарства? Они выписываются строго по рецепту, – продолжает капризничать мать. – Мне надо к врачу.

– Сейчас? – выгибаю бровь. – Ты издеваешься?

– А что, вы оба хотите дождаться моей смерти? – давит на жалость. – От тебя, сынок, я такого не ожидала, – закатывает глаза. Со здоровьем у мамы, конечно, проблемы имеются, однако порой она впадает в крайность.

– Я вызову такси и сама доберусь домой, – Ксюша разворачивается на каблучках, но я ловлю ее за руку.

– Стоять, – притягиваю к себе. Обнимаю за талию, припечатываю к телу. – Сейчас решим, как поедем.

– Помочь, Мэт? – напоминает о себе Глеб. Затаился так умело, наблюдая за разворачивающимся в VIP-зале шоу, что я на секунду забыл о его существовании. И лучше бы не вспоминал. – Могу подвезти Ксю... – быстро исправляется: – Оксану Артемовну. Зачем такси?

– Ты чего-о? – ошеломленно тянет жена. – Какая я тебе Оксана Артемовна? – игриво хихикает, и у меня слетает чер-

дак, притом что он и так был в аварийном состоянии все эти дни. Не выдержал.

– На хрен иди, Глеб, – рывкаю на друга, но вздрагивают все трое.

– А ты... чего? – родной Ксюшин голос звучит сипло, а полные недоумения и опаски глаза-карамельки устремляются на меня.

Сбивчивое дыхание, влажные ресницы и дрожащие губы – все это в комплексе действует на меня как поток ледяной воды из брандспойта. Мгновенно остываю, но Ксюшу по-прежнему держу крепко, чтобы не сбежала. Хотя она и не пытается: съежилась, затаилась, впившись пальцами в мою рубашку, и почти не дышит. А я греюсь об нее.

Чего это я? Да идиот просто. Психованный и ревнивый.

– Ты хочешь с Глебом поехать? – врезаюсь в жену насто-роженным взглядом. Ладонь произвольно ползет с изящной талии на поясницу и давит, сильнее вжимая податливое тело в мой торс.

– Хочу домой, – Ксюша уходит от прямого ответа и, насупившись, отворачивается. Затравленным зверьком поглядывает на мать, а та, опомнившись, снова взмывает руку ко лбу, намекая на плохое самочувствие. Они с ума меня сведут на пару.

– Хорошо, как скажешь, – ослабив хватку, тянусь в карман. – Глеб, подгони свой автомобиль ближе ко входу в ресторан, – бросаю, не оборачиваясь на друга. Не могу пока

что видеть его – боюсь опять сорваться. Однако довольного, маслянистого голоса хватает, чтобы я скрипнул зубами.

– Да-да, сейчас, – Глеб нетерпеливо хлопает себя по брюкам, и в моем больном, отравленном ревностью воображении это выглядит как недвусмысленное приглашение, адресованное Ксюше. – Доставлю в целости и сохранности, – нервно усмехается, останавливаясь рядом с ней.

Жена, вздохнув, отстраняется от меня. Послушно кивает, ловит на себе победный взгляд матери и пятится к Глебу. Хмыкнув и укоризненно посмотрев на нее, как на капризного, обиженного ребенка, достаю ключи.

– А ты в нашей машине подожди, пока я маму провожу, – вкладываю брелок ей в руку. Накрываю своей, заставляю сжать в кулак.

– М-м? А... – растерянно хлопает ресницами, а сама с опаской косится на свекровь. Если честно, мне начинает надоедать их молчаливая перестрелка взглядами. Пока они не поубивали друг друга, аккуратно подталкиваю Ксюшу к дверям.

– Иди. Пожалуйста, без глупостей, – добавляю чуть слышно, чтобы до окружающих не долетело. – Я скоро, – мягко целую ее в пылающую щеку.

– Ла-адно, – тихо тянет она. – До свидания, Нина Евгеньевна, – виновато шепчет ей.

Разворачивается, цокает каблуками и красиво, грациозно плывет по залу ресторана, теребя на пальчике кольцо от бре-

лока. При каждом шаге ее округлые бедра, аппетитно обтянутые юбкой, покачиваются в такт.

– Как же... А я куда? С кем? – заикается Глеб, провожая Ксюшу прищуренными глазами, которые хочется выколоть, чтобы никогда больше не смотрел так на мою жену.

– Ты же хотел помочь, дружище, – хлопаю его по спине. – Нину Евгеньевну доставь к врачу или по адресу, который она назовет, – подаю маме руку. – Все еще плохо?

– Плохо. Или ты думаешь, я лгу? – принимает мою ладонь, медленно поднимаясь с места. – Значит, вот так, сын? Что бы сказал твой отец, если был бы жив...

– Не начинай, – строго осекаю ее.

Когда дело касается покойного папы, я становлюсь сам не свой. Тоскую дико, и эта грусть выливается в ярость. Я до последнего вздоха за него боролся, но не удержал. Когда теряешь нечто по-настоящему важное, не жалко ни сил, ни средств. Но никакие деньги не помогли.

– Прости, я тоже скучаю, – мама берет меня под локоть и, держась, молча следует за мной на улицу.

Верю. Ей действительно не хватает заботы мужа, и она ищет ее во мне. От нас обоих будто кусок оторвали. Наживо, с мясом.

Скучает. Иначе нельзя. Так сильно и беззаветно, как любил отец, мало кто умеет. Даже я не дотягиваю. Он боготворил мать, надышаться ей не мог, ни на кого больше не смотрел, никогда не изменял. Их отношения всегда были для ме-

ня эталоном, но свои я не могу выстроить по такому же образу и подобию. Хрень получается, и я, признаться, устал бороться за нас. Потому что воевать приходится друг с другом, и это самое сложное.

Бросаю взгляд на парковку, нахожу свою машину, на секунду останавливаюсь. В салоне горит свет, а на переднем сиденье нетерпеливо ерзает темный силуэт. Почувствовав меня, Ксюша оглядывается.

– Глеб, звони, если что, – инструктирую друга, помогая матери устроится в его автомобиле. Он не в восторге от пассажирки, но мне плевать. Сам вызвался. – Если деньги нужны будут, скажешь потом, сколько. Я Ксюшу домой подброшу – и сразу к вам в больницу.

– Понял, без проблем, – выжимает из себя со скрипом. – Ты не задерживайся только, – произносит с мольбой.

Пожимаю ему руку, наблюдаю, как он обходит капот и обреченно падает в водительское кресло. Слышу приглушенный, требовательный голос матери: «Быстро не езжай. И аккуратнее на поворотах и по кочкам. Меня укачивает». Посмеиваясь, сажусь за руль.

– Извини. Не знаю, что на меня нашло, – выпаливает Ксюша еще до того, как я успеваю захлопнуть дверь.

Передает мне брелок, и я касаюсь ее ладони, поглаживаю пальцами. Трясется, дрожит на весу, так что приходится обхватить ее и поднести к губам. Прижимаюсь к запястью, веду по нему носом, втягиваю тонкий, нежный аромат. Не по-

нимаю, как одна и та же женщина может пробуждать такие разные, порой противоречивые эмоции. Рядом с ней бьет током, будто схватился за оголенный провод, а без нее я вообще неживой, пластиковый.

– Я же предлагал тебе пропустить эту встречу, – отмечаю тем же тоном, каким она обычно отчитывает меня, если сделаю что-то не так. Жена не отвечает, лишь часто пыхтит, и от ее дыхания запотевают боковое окно. – Что на этот раз, Ксюш? Рассказывай.

Глава 8

Ксюша медлит, собирается с духом и мыслями, зажимается, будто я злобный тиран и систематически давлю на нее. Рисует пальчиком круги на стекле, играет на моих нервах. Несмотря ни на что, внешне я держусь спокойно, а Ксюшу это раздражает. Она лихорадочно покачивает ножкой. Однако упрямо молчит. В момент, когда я готов разозлиться, она поворачивается ко мне:

– Мэт, а где ты был днем? – спрашивает неожиданно, путая все карты и толкая беседу в другое, нехорошее для нас двоих русло. – Почему Глеб не в курсе?

– Я не отчитываюсь перед ним о каждом своем шаге, – произношу спокойно и управляю автомобилем максимально аккуратно, в то время как внутри все клокочет.

– Передо мной тоже? – не отступает Ксюша.

Зря настаивает. Правда ей не понравится.

– В филиале, – вру, концентрируюсь на дороге. Неприятно это делать, но так будет лучше. – Там сейчас много дел. Готовимся к открытию, ничего не успеваем, – разбавляю ложь реальной информацией.

– Да, помню, ты рассказывал. А та женщина, что звонила утром с несохраненного номера, новенькая сотрудница? – проходится по мне вязким карамельным рентгеном. – Я ее не знаю?

– Не знаешь, – коротко отрезав, сигналю впереди застрявшему автомобилю.

– У меня нет причин сомневаться в тебе? – с тревогой шепчет Ксюша.

– Нет. Разве я когда-нибудь давал тебе повод не доверять мне? – это уже говорю ей в глаза. Четко и прямо.

– Раньше нет, – пожимает плечами и втягивает губку изнутри.

– С моей стороны ничего не изменилось. А с твоей – слишком много подозрений, – выгибаю бровь.

– Беспочвенных? – зеркалит мою мимику.

– Как обычно, – усмехаюсь и, остановившись перед светофором, соскальзываю ладонью с коробки передач на Ксюшино бедро, ласково поглаживаю, спускаюсь к разрезу юбки. – Неужели тебя мать так накрутила? Не хотел я этой встречи, но ты...

– Сама во всем виновата. Не продолжай, – цокает и закатывает глаза. – Что касается Нины Евгеньевны, то она не сказала ничего нового. Я по-прежнему недостойна тебя, не в состоянии родить ей внуков, а ты в конце концов заведешь себе любовницу.

– Что? – импульсивно сжимаю острую коленку, впиваясь грубыми пальцами в нежную кожу. Ксюша ойкает, накрывает мою руку своей, но не сбрасывает. – Так и сказала?

– Не прямо, – водит ноготками по костяшкам, щекочет, будоражит кровь и поднимает волоски. – Но намекнула, что

вокруг тебя есть кандидатки получше. И одна из них наверняка способна забеременеть, в отличие от меня, – подцепляет обручальное кольцо, которое я надел дома. Ее тоже заставил.

– Малыш, прости, что тебе пришлось все это выслушивать, – проникаю в вырез, задираю юбку и поднимаюсь по внутренней стороне бедра к кромке чулка. – Я не знаю, какого черта с ней творится. Больше не повторится, обещаю.

– Она хочет, чтобы мы разошлись, – обреченно выдыхает Ксюша, безвольно позволяя мне трогать себя. Всюду. Благо, в салоне темно, а наши действия скрыты от посторонних глаз.

– Неважно, чего она хочет. Это только от нас зависит, – подаюсь ближе к ней, целую в щеку, ушко, шею. Задерживаюсь губами на ключице. Боковым зрением слежу за светом.

– У нас ведь не все гладко, – Ксюша открывается мне во всех смыслах. Раздвигает колени, откидывает голову, не прекращает говорить: – В одном Нина Евгеньевна права: без ребенка полная семья не получится. Рано или поздно она развалится.

– Ксюш, дай нам время, – ловлю ее губы своими. Продолжаю ласкать. – Все будет.

– А если нет? – сводит ножки, зажимая мою ладонь. Сопротивляется, хотя я чувствую, что она влажная. – Ты честно признаешься, что все кончено?

– Нет, – чеканю безапелляционно и нехотя убираю руку, начиная движение на зеленый свет. – Потому что этого не случится никогда. Я не отпущу тебя, что бы между нами ни происходило. И ты даже не думай, что сможешь уйти, – мой голос звучит угрожающе. – Я тебя никому не отдам.

Шумно, сладко вздохнув, Ксюша закидывает ногу на ногу. Ерзает в кресле, пытаюсь найти позу поудобнее. Фырчит неудовлетворенно, краснеет.

Понимаю. Мне тоже некомфортно, жарко – и хочется продолжения. Раздразнили друг друга. Пробудили аппетит, но не поели. Диета, чтоб она провалилась!

– Мне эсэмэски приходили странные, – чуть слышно признается Ксюша, поправляя резинку чулка и одергивая мягкую мной юбку. – Якобы от твоей любовницы.

– От кого? Бред какой! – от возмущения отвлекаюсь от руля и, замедлившись, обращаюсь к жене вполоборота. – Покажешь?

– Я удалила. И номер заблокировала, – отрицательно качает головой. – Решила, что розыгрыш.

– Если повторится, сразу носи телефон мне. Обязательно, – настаиваю серьезно и строго. – Это не шутки. Я должен выяснить, кто травит мою жену. Договорились?

– Да, конечно, – мягко улыбается и сразу тускнеет, оглядываясь. – Приехали. Так быстро...

– Приехали, – соглашаюсь, припарковавшись возле нашего дома. Двигатель не глушу, но и пассажирскую дверь не

спешу открывать. Барабаню пальцами по рулю.

– Теперь ты за Ниной Евгеньевной? – Ксюша не торопится выходить.

– Не горю желанием, – тяжело выдыхаю и ныряю в карман пиджака. – Глебу позвоню. Надеюсь, у матери хватило ума отправиться домой.

Как почувствовав, друг опережает меня. Ухмыляюсь, машинально снимаю трубку, не глядя на имя контакта, и тут же жалею об этом. В ухо с резонансом бьет женский голос:

– Матвей...

Черт! Какого?..

– Я позже перезвоню, – перебиваю резко, покосившись на Ксюшу. – Сам.

– Ясно, извини, – уловив намек, неудачно позвонивший абонент снижает громкость. Для полного «счастья» мне только ее и не хватало! – Почту проверить, как будешь один.

Не свожу глаз с жены. Она перебирает пальцами проклятый разрез, из-за которого у меня опять путаются все мысли, сплетаясь в тугой ком колючей проволоки. Не подслушивает, не испепеляет телефон подозрительным взглядом, не переживает и не злится. Или не подает вида.

– Хорошо, – хмурюсь, заканчивая беседу, и переключаюсь на параллельный входящий звонок: – Да, Глеб. Что там у тебя?

Друг легок на помине. К сожалению, его появление по собственной инициативе не сулит ничего хорошего. Гонец с

плохими новостями, рискующий лишиться головы.

– Мэт, спасай, – без приветствия ноет он. И я готов биться лбом об руль, чтобы прекратить этот кошмар, наконец. – Застряли в больнице. Нина Евгеньевна мозг выносит и мне, и врачам. Анализы не сдает, обследоваться отказывается. А тут еще Света из ресторана позвонила – клиент буянит, пришлось службу охраны вызывать. Хоть разорвись! Я чокнусь. С тебя премия.

– Губу закатай, размечтался, – рычу на него, устало зажмуриваясь. Массирую переносицу до ярких звездочек перед глазами. – Тогда я сначала в ресторан, потом за вами.

– Может, наоборот?

– Терпи, Глеб, – выговариваю сурово. – Я должен сам все проконтролировать, а тебе оставляю совсем легкое задание.

– Я бы поспорил, – охает, а на фоне раздается голос матери.

Отключаюсь, виновато смотрю на Ксюшу.

– М, поняла. Тогда пока, – выдавливает слабую улыбку.

– Я постараюсь быстро, дождись, – протянув руку, запускаю пятерню в ее шелковистые волосы.

– Как будто мне есть, куда деться, – бубнит.

– Было бы желание, а направление найдется, – нажимаю на затылок, заставляя ее дернуться ко мне и упереться ладонью в мое бедро, и сам наклоняюсь.

– Дождусь.

Съедаю ее рваное дыхание, беру в плен призывно при-

открытые губы. Целую нежно, прощаясь. А потом смотрю вслед уходящей Ксюше. Долго, задумчиво, тоскливо, до тех пор пока она не скрывается в доме.

Мчусь в ресторан. К счастью, на момент моего приезда конфликт почти исчерпан. Светлана рассказывает о ситуации, отчитывается о проделанной работе. Несмотря на некоторые шероховатости, администратор из нее получается отменный. Любую проблему разрулит, всегда на нее можно положиться. Вместе проводим разъяснительную беседу с перебравшим клиентом, после чего отправляем его на такси домой. Убедившись, что удалось избежать жалоб, которые сейчас абсолютно не нужны моему ресторану, я еду в больницу.

Маму замечаю сразу же, узнаю ее сгорбленную фигуру у медсестринского поста. Рядом нервно меряет шагами пол Глеб. Завидев меня, несется навстречу.

– Спасибо, можешь ехать, – говорю то, что он хочет услышать.

– Терпения тебе, – сочувственно похлопывает меня по плечу, а сам охотно сбегает.

Киваю небрежно и шагаю к матери.

– Не надоело? – грубо кидаю, опершись о стойку. Жестом прошу медсестру оставить нас вдвоем. Девушка выдыхает с облегчением и возвращается к своим делам.

– Так и знала, что она настроит тебя против меня, – цедит мама.

– Ты сама прекрасно справляешься с этим, – многозна-

чительно указываю на недовольных медиков. – Что ты тут устроила?

– Здесь ужасный персонал, даже давление нормально измерить не могут.

– Значит, так, – не выдержав, бью кулаком по столу. – Или ты соглашаешься на осмотр, после чего едешь на квартиру...

– Или? – заявляет с вызовом.

– Или мы уезжаем прямо сейчас. Из города, – вынуждаю ее растеряться. – Совсем. Я верну тебя домой.

– Но... у меня лечение, – хватается за сердце.

– Там тоже есть врачи. Которые умеют обращаться с тонометром, – добавляю с сарказмом.

– Ты стал жестоким, когда связался с ней, – надменно щурится, будто ставит на мне клеймо плохого сына.

– Вот мы и подошли к главному, – постукиваю указательным пальцем по стойке. – Еще раз услышу, что ты гадости моей жене говоришь, я оборву с тобой все связи. Буду только деньги раз в месяц на карту бросать.

– Я всего лишь хотела узнать, как у вас дела, и дать ей советы, – капитулирует мать, но поздно.

– Ты много на себя берешь, – произношу четко, чуть ли не по слогам. Чтобы услышала и осознала. – Не лезь в нашу семью. Мы разберемся сами.

– Ты таким не был, Матвей. Она тебя приворожила.

– Последнее предупреждение, – вздергиваю бровь.

– Хорошо, пусть будет по-твоему, – разворачивается и по-

слушно направляется к медсестре. – Попомни мои слова, ты с ней еще намучаешься, – кидает на ходу, не оглядываясь.

В квартиру везу ее молча, игнорирую любые попытки завести разговор. Веду себя как таксист. Доставил – выпустил – уехал. Разочарование сильнее родственных чувств.

Домой возвращаюсь поздно. Ксюша уже спит. Или делает вид, обидевшись на меня. Все равно после душа иду к ней. Обнимаю со спины, зарываюсь носом в волосы, вжимаю изнеженное, жаркое, как печка, тело в себя. Стискиваю под грудью, выбивая томный вздох, и чувствую маленькие ладошки на своих предплечьях. Слышу сонное мурлыканье.

Впервые за весь день ощущаю умиротворение. По-настоящему дома. Правильно говорил отец: что бы ни случилось между супругами, засыпать и просыпаться нужно вместе. Иначе место в постели может занять кто-нибудь другой.

Глава 9

Ксюша

Просыпаюсь от аппетитных ароматов ванили и жареных блинчиков. Открываю глаза, чтобы посмотреть на часы, – и почти сразу же зажимаюсь от настывшего солнечного зайчика, бьющего в лицо. Переворачиваюсь на другой бок, устраиваюсь удобнее, закутавшись в одеяло.

Вставать мне еще рано, ведь тренировки после обеда. Зато Мэт наверняка уже уехал на работу. Так что вкусный завтрак существует исключительно в моем воображении. Накрываюсь с головой, собираюсь мирно досмотреть сон. Хотя бы в нем я могу побыть с мужем, тогда как в реальности мы толком не проводим время вместе. А если вдруг пересечемся, то обязательно быть беде, как вчера.

Я даже не засекла, когда Мэт вернулся домой этой ночью. Он же мне не приснился?

Нервно откидываю одеяло. При мысли о вчерашнем сон как рукой сняло, а в груди опять поднялась буря. Обреченно вздыхаю и, потянувшись, не спеша бреду на кухню. Растрепанная и в пижаме. Зеваю на ходу, отчаянно мечтая о кофе.

Подпрыгиваю на пороге и зажимаю рот двумя руками, проглатывая вскрик удивления.

– Мэт? – лепечу одними губами, выдыхая в ладони.

Завожу кисти за спину, сплетаю пальцы в замок и пере-

минаюсь с ноги на ногу, наблюдая за ним. Не верится, что он здесь. Со мной. Настоящий. В домашней черной футболке и смятых шортах. Включает электрический чайник, достает кружки из шкафа, готовит заварник и выбирает чай из трав.

На столе – горячие панкейки, посыпанные сахарной пудрой и украшенные ягодами. Сервировка и подача почти как в ресторане. Мысленно обзываю Мэта педантом и занудой, а сама расплываюсь в улыбке.

На цыпочках крадусь к нему и обнимаю со спины, скользнув ладонями от широкой талии к прессу, который мгновенно напрягается. Забираюсь под футболку, пересчитываю пальчиками кубики.

– И тебе доброе утро, малыш, – хрипло отзывается Мэт, накрывая мои руки своими. – Ты невероятно долго спишь. Я бессовестно опоздал в ресторан, пока ждал тебя.

– Лучше признавайся сразу, где проштрафился и за что извиняешься таким образом, – встав на носочки, тянусь к его уху. – Иначе буду пытаться, – жарко шепчу и утыкаюсь носом в ямочку за мочкой.

Делаю вдох. Сегодня он пахнет собой, без примесей чужих сладких духов, без меток от розовой помады. Только мой мужчина. Ничей больше. С привкусом секса и блинчиков. Все остальное уходит на второй план. И мне начинает казаться, что мой воспаленный ревностью мозг вчера придумал весь этот бред.

– Пытаться? Жестко? – смеется, разворачиваясь вполобо-

рота. Обхватывает меня рукой за шею, прижимая к своему боку. Чмокает в лоб, склонившись ко мне, и задерживается в такой позе, укачивая меня в объятиях.

– С особым пристрастием, – выдыхаю. Буквально повисаю на его плече, тянусь за поцелуем.

– Звучит многообещающе, – ухмыляется, берет меня под бедра и усаживает на столешницу, предварительно смахнув с нее все лишнее.

– Говори, что натворил, – прищуриваюсь.

– Прости за вчерашнее, – произносит Мэт серьезно. – Я нашел шампанское в холодильнике. Это был сюрприз?

– Романтический ужин, – бурчу, двигаясь назад.

– Я должен как-то реабилитироваться. Поэтому приглашаю тебя вечером на свидание.

Опираюсь на руку и, не заметив, опрокидываю емкость с сахарной пудрой. Белая сладкая пыль рассыпается по поверхности столешницы, взметается вверх клубками, пачкает мне пижаму.

– Опять в твой ресторан? – продолжаю разговор, будто ничего не случилось. И это не я устроила пудровый мини-взрыв на кухне.

Упираюсь ладонью в грудь Мэта, оставляю след от пятерни на темном хлопке. Ойкаю, но руку не убираю. Веду ниже, рисуя кривые узоры сахаром.

– Не-ет уж, – вздыхает муж. – Для меня это место работы. Да и лишних глаз много, – окунув ладонь в горку пуд-

ры, поднимает ее к моему лицу. Мажет липким порошком. – Найдем местечко поукромнее.

Проводит пальцами по щеке к шее, очерчивает ключицы, спускается к груди, нагло сжимает. Повторяет проложенный путь губами, слизывая сахар с покрытой мурашками кожи.

– Кстати, о лишних глазах, – отклоняюсь от жалящих, голодных поцелуев. – Я не знала, что у тебя новый администратор, – ловлю затуманенный похотью взгляд, устанавливаю цепкий зрительный контакт. – А Миша где?

– Уволен, – на миг в его спокойных голубых глазах вспыхивает недобрый огонь. И тут же гаснет. – Светлана хороший специалист.

– В чем? – фыркаю обиженно.

– Ты ревнуешь? – Мэт мгновенно улавливает намек.

– Нет, просто... – теряюсь и малодушно позволяю ему опять поцеловать себя. – Она так общалась с Ниной Евгеньевной, будто они родные и знают друг друга давно.

– Всего лишь пыталась выслужиться перед матерью шефа, – качает головой, смотрит на меня снисходительно, как на глупышку, и щелкает по носу, оставляя на кончике белый след. – Я сделаю Свете еще один выговор, раз тебе показалось, что она вела себя панибратски.

– Со мной она была гораздо холоднее и сдержаннее, хотя я вроде бы тоже не чужой человек боссу, – выгибаю бровь и вздергиваю подбородок. – Или как?

– Так у тебя на лбу написано «Не влезай. Убьет!» – сме-

ется Мэт, прижимаясь ко мне вплотную.

Обвиваю ножками его талию, обнимаю крепче. Становлюсь слабой и безвольной рядом с ним. В моменты близости я готова простить ему все. Даже если он сейчас скажет, что убил кого-то, я лишь пожму плечами. Поцелую его, а потом помогу спрятать труп.

– Ты же влез, – шепчу ему в губы.

– И готов повторять это снова и снова, – произносит тихо, лаская мой рот горячим дыханием.

– Бессмертный? – поглаживаю его грубые щеки, царапаю ноготками слабую щетину.

– Влюбленный, – рокошет и целует меня. Сначала аккуратно и нежно, потом жестче и напористее, а в итоге страстно вбивается в мой рот. Душит поцелуями, вышибает воздух из груди и вытесняет все мысли из головы.

Окружающий мир стирается.

Нет ничего важнее нас двоих. На кухонном столе. В нашем уютном доме.

Вечером я жду свидания с мужем, как школьница, взволнованная, смущенная, но при этом... по-взрослому неудовлетворенная. Утром у нас опять ничего не было. Мэт довел меня ласками до пика – и, бросив разгоряченную на кухне, засобиравшись в ресторан, сославшись на занятость и проблемы.

Признаться, я не знаю, что думать и чем оправдать такое

поведение. Не уверена, что готова раскрыть истинные его причины. Наши отношения летят под откос. Мэт делает вид, что все еще любит, но его тело вопит об обратном, а я предпочитаю зажмуриться и притвориться слепой, лишь бы продлить иллюзию семьи.

Подвожу глаза тенями, чуть трогаю тушью длинные, загнутые ресницы, щедро наношу на губы яркую помаду.

Сегодня я намерена оставлять на нем следы. Метить и клеймить.

Улыбаюсь своему отражению как можно теплее и увереннее, хотя в груди после завтрака поселилась морозная зима. Лед трескается, когда слышу щелчок замка и шум распахнувшейся двери.

Спешу в коридор, на ходу одергивая короткое, облегающее платье. Поправляю декольте, порхаю пальчиками по верху груди, сжимаю золотую ладанку над ложбинкой.

– Уф-ф, – нервничаю как девственница в предвкушении первого раза. Впрочем, мы с Мэтом так давно не были близки, что я недалеко от истины. Несколько ночей по графику в благоприятные для зачатия дни – и провал. В последние дни мы будто соседи, снимающие одну комнату. Сожители, вынужденные терпеть друг друга.

– Ксюш, готова? – бархатистый баритон любимого мгновенно развеивает все мои опасения.

– Вроде бы, – игриво отзываюсь и плавно, грациозно крадусь к мужу. – Что скажешь?

Хитро ухмыляюсь и, покрутившись, красуюсь перед ним. Повернувшись полубоком, специально поглаживаю себя по талии и спускаюсь к бедрам. Мэт заворуженно следит за каждым моим движением, облизывает фигуру взглядом, а в уставших глазах вспыхивает огонь.

– Красивая, – шумно сглатывает, невзначай ослабив ворот сияющей, белоснежной рубашки.

– Ты, кстати, тоже ничего, – внимательно сканирую мужа: пиджак с иголки, выглаженные брюки. И это после бешеного трудового дня? Упираю руки в бока и шутливо предьявляю: – Утром ты от меня уходил в джинсах. Признавайся, где был весь день и от какой хозяйшки при полном параде вышел?

Закашливается, недоуменно смотрит на меня, хмурится. Если бы не знала Мэта, то решила бы, что он скрывает от меня что-то важное и... нехорошее.

– Просто повезло, что сегодня как раз костюм из химчистки доставили. Переоделся в кабинете, – серьезно докладывает, а потом протягивает мне ладонь. – Зато не будем терять время. Можем сразу ехать.

Рассматриваю вблизи его осунувшееся, сероватое лицо, морщины на лбу, покрасневшие глаза. Он выглядит так, словно не спал несколько ночей. Свежий здесь только его костюм, а сам Мэт похож на маринованный прошлогодний помидор.

– Тяжелый день? – шепчу сочувственно и заключаю в ла-

дони его грубые, шершавые щеки.

– Обычный. Это неважно, – обреченно вздыхает. – Я же обещал. Идем.

– А может, к черту свидание? – наклоняю голову. – Хочу провести этот вечер с тобой, и мне без разницы, где. Локация не имеет значения. Главное – приятная компания, – подмигиваю мужу, чтобы хоть немного расслабить.

Не дожидаясь ответа, поднимаюсь на носочки – и целую его.

Мы прилипаем друг к другу. Нетерпеливо проникаю руками между нашими телами, задираю его рубашку, царапаю напряженный, окаменевший пресс.

– Ксю... – сбивчиво выдыхает Мэт, когда я дергаю за пряжку и расстегиваю ремень.

– Ты серьезно задолжал мне, дорогой, – беру инициативу в свои руки, тяну бегунок молнии вниз. – Или возвращаешь мне супружеский долг с процентами, – целую его щеки, царапаясь о короткую щетину, ласкаю скулы, утыкаюсь носом в ухо. – Или...

– Сексуальный коллектор, – усмехается, прижимаясь губами к моему виску. Горячо дышит, раздувая волосы.

– Или разводимся, – заканчиваю фразу угрозой.

Мэт вдруг напрягается. Сильные руки стискиваются на моей талии, пальцы неприятно врезаются в кожу.

– Кто тебе развод даст? – рычит ревнивый собственник, пока я борюсь с пуговицами его рубашки и прокладываю гу-

бами дорожку от мощной шеи к стальной, жаркой, покрытой волосами груди.

– Госуслуги, ЗАГС. В крайнем случае, суд, – выдыхаю в промежутках между поцелуями.

– А ты подкована в этом вопросе, – зарывается пятерней в мои локоны, собранные на затылке, портит прическу, на которую мне уже плевать.

– Вот и не шути со мной, милый, – опускаюсь перед ним на колени. Запрокидываю голову, ловлю на себе жадный взгляд и победно улыбаюсь.

Барабаню пальцами вдоль косых мышц живота, забираюсь под пояс – и задерживаюсь, коснувшись углубления под косточкой. Отсюда вниз по бедру ползет кривой рубец. Наощупь помню каждую его щербинку, каждое рваное ответвление, каждый бугорок.

– Помнишь, ты исчез тогда, ничего не сказав? – приспустив брюки, ныряю ладошкой глубже, поглаживаю неровную кожу возле паха.

– До сих пор не простила? – хрипит Мэт, гипнотизируя меня тягучим, потемневшим взглядом.

– Я была уверена, что ты меня бросил, просто перестав отвечать на звонки, – ухожу от прямого ответа, потому что... нет. Не простила. – А оказалось все еще хуже...

– Ты же знаешь, я не хотел, чтобы ты волновалась, – останавливает меня, схватив за запястья. – Не хотел, чтобы ты видела меня больным и беспомощным.

Незадолго до нашей свадьбы Мэт исчез. Я не могла смириться с мыслью, что между нами все так бездарно кончилось, так что после нескольких дней мучений – переступила через свою гордость и позвонила Нине Евгеньевне. Несмотря на то, что она еще тогда меня недолюбливала, все-таки выдала правду. Оказалось, Мэт получил травму на работе – обжегся кипящим маслом. В то время, пока я считала его трусливым предателем, он боролся за здоровье на больничной койке. Не позволил мне разделить его боль. И был крайне недоволен тем, что мать мне все рассказала. Даже на меня злился, пока я редела у его кровати и носила обеды. Отвергал мою заботу, принимая ее за жалость. Наверное, это был самый сложный период в наших отношениях. На память о нем остался рубец, о котором никто посторонний не знает...

– Я не потерплю больше лжи, даже во спасение, – чеканю строго. – А сейчас не мешай мне, – отбиваю его ладони, и он послушно разводит их, предоставляя мне полную свободу действий.

Резко срываю брюки вниз по мускулистым бедрам, накрываю ладошкой шрам на правом – и подаюсь вперед, но... Из кармана что-то выпадает и с приглушенным шелестом падает на пол. Одной рукой упершись в ногу Мэта, протягиваю вторую к серебристому квадратику.

– Что это? – поднимаю и кручу фольгу в пальцах. – Зачем тебе? – покосившись на Матвея, замечаю, как он напряженно испепеляет взглядом мою находку. – Мы же не предохра-

няемся...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.